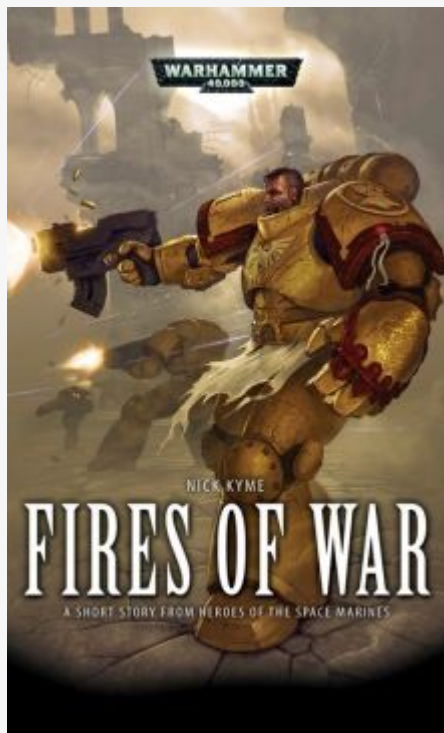

Огни войны / Fires of War (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Огни войны / *Fires of War* (рассказ)

Автор	Ник Кайм / Nick Kyme
Переводчик	Летающий Свин
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Герои Космического Десанта / Heroes of the Space Marines
Год издания	2009
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

— ОБРАДУЙ МЕНЯ, Хеллиман, — проворчал полковник Тонхаузер. Старый солдат говорил краем рта с тлеющей между губами сигарой.

Он инстинктивно пригнулся, когда мастерскую до самого основания сотряс еще один взрыв, и с потолка на расстеленную на верстаке карту посыпались кусочки рокрита.

— Этот был уже ближе... — пробормотал Тонхаузер, выдыхая дым и уже в сотый раз отряхиваясь от пыли

и мусора.

Тяжело сдавать собственный город врагу. А когда враг — внутренний, это еще более отвратительно. Но именно с такой суровой реальностью пришлось столкнуться Абелю Тонхаузеру из 13-го авиакорпуса Стратоса. Он и так уже отступил перед бесконечными ордами культистов-мятежников, и, тем не менее, они рвались дальше. Скоро ничего не останется. Защита трех первостепенных городов Стратоса была на грани краха. Значок облака и молнии, хоть и покрытый грязью за многие недели сражений, гордо висел на двубортной коричневой кожаной куртке. Он был всего лишь из меди, но весил не меньше наковальни.

Здание мастерской, которое полковник превратил в свой командный пункт, было полно вышедшего из строя авиационного оборудования и более или менее починенных механизмов; кроме того, здесь находился авиаремонтный цех для дирижаблей и других летательных аппаратов, бывших неотъемлемой частью жизни на Стратосе. Пол был завален баллонами со сжатым воздухом, измерителями давления и кольцами ребристых шлангов. Зал, в котором Тонхаузер совещался с сержантом Хеллиманом, в то время как рядовой Айкер прослушивал вокс-каналы, был широким и длинным, с оканчивающимися угловатыми арками высокими опорными колоннами из хрома и полированной пластами.

Типичное для архитектурного стиля стратосцев, некогда прекрасное сооружение теперь было прошито дырами от пуль и в некоторых местах обрушено взрывами снарядов. Заминированный повстанцами самолет-буксировщик снес изрядный кусок выходящей на юг стены вместе с большей частью командного штаба полковника. Времени на ремонт не было, поэтому дыру просто закрыли листом пластика.

Эта в высшей степени бессмысленная мера безопасности едва ли могла заглушить доносящийся снаружи спорадический огонь и непрерывные взрывы от мин-ловушек и краденых гранатометов. Чтобы быть услышанным, сержанту Хеллиману приходилось кричать изо всех сил.

— Под контролем повстанцев все еще остаются три лофт-города, сэр — Кумулон, этот Нимбарос и Киррион. Мятежники также разрушили все небесные мосты, кроме трех главных, ведущих в те территории.

— Что насчет наших наземных сил, они хоть немного продвинулись? — спросил Тонхаузер, натягивая фуражку, сначала козырьком на залысину у лба. Ему очень хотелось, чтобы выбивать повстанцев поручили кому-нибудь другому.

Хеллиман выглядел смирившимся, за последние недели молодой боец сильно истощал и стал бледным как привидение.

— Наше вторжение в города встретило сильное сопротивление. Повстанцы окопались, и они хорошо организованы.

Хеллиман остановился, чтобы прочистить горло.

— По всем городам деятельностью культа было развращено, по крайней мере, девяносто тысяч человек. Они удерживают все фабрики с материальными ресурсами и пользуются нашими запасами. В том числе и бронетехникой.

Тонхаузер просмотрел развернутые на верстаке карты города, ища потенциальные направления атаки, которые он мог не заметить. Но видел лишь теснины и огневые мешки, в которые мог угодить авиакорпус.

Хеллиман с тревогой ждал ответа от Тонхаузера, и молчание наполнила доносящаяся из командного вокса безумная болтовня. Сидевший у квадратного аппарата в углу мастерской рядовой Айкер изо всех сил старался получить чистый сигнал, но после уничтожения ретранслирующих вышек на всех каналах царила статика. Тонхаузеру не было нужды слушать вокс-доклады, чтобы понимать, что их дела обстояли плохо.

— Тогда что мы удерживаем? — наконец спросил он, взглянув в уставшие глаза сержанта.

— Наши безопасные зоны...

По мастерской глухо прокатился резонирующий взрыв, оборвав Хеллимана на полуслове. Сквозь пластик по направлению к сержанту ринулся поток огня. Из-за сильнейшего жара снаружи, пластик начал превращаться в жидкость, тая вокруг несчастного Хеллимана.

Повалившись на спину, Тонхаузер громко выругался, но у него достало присутствия духа, чтобы вытащить боевой пистолет и выстрелить вопящему сержанту в голову, прекратив его дальнейшие мучения.

Все еще слыша звон в ушах, Тонхаузер увидел вбежавшую сквозь проеденную огнем дыру в пластике фигуру. Это был человек, или, по крайней мере, его взлохмаченное подобие, одетое в рванье и бронежилет. Его волосы были грубо обкорнаны. Наполненные ненавистью глаза заметили Тонхаузера. Но застыть верного стратосца заставил рот существа. Он был зашит толстой черной проволокой, его пробитые насквозь губы и щеки были сизыми от пурпурно-синих вен.

Тонхаузер сначала подумал, что повстанец был безоружен. Затем он заметил зажатую в левой руке гранату.

— Святой Император...

Тонхаузер выстрелил ему в лоб. Заваливаясь на спину, повстанец разжал руку, и сильнейший взрыв разнес его тело на дымящиеся куски мяса.

Тонхаузера спас от смерти металлический верстак, но у него было мало времени, чтобы воздавать за это молитвы Трону. Сквозь дым и падающие обломки пробежало еще трое повстанцев, с такими же защитными ртами, как и у первого. Двое были вооружены автоганами, в то время как третий нес грубо смастеренный тяжелый стаббер.

Сжавшись от огненного всполоха, Тонхаузер упал за тяжелый станок как раз тогда, как в цех ворвался свинцовый ливень. С сердитым ревом он начал уничтожать зал, разрывая стены, повреждая оборудование и расстреливая сидевшего в углу рядового Айкера.

Поползши на четвереньках, Тонхаузер затем сжался в укрытии, вынув пустой магазин из пистолета прежде, чем трясущимися пальцами потянуться за другим.

Ему никак не убить их всех...

Сквозь непрерывный шквал оружейного огня Тонхаузер сначала услышал недалекий звон чего-то металлического, а затем увидел подкатившуюся к ноге гранату. Инстинкт самосохранения взял верх, он дёрнулся к гранате и ударил ее ногой. Секундой позже над Тонхаузером пронеслась неистовая волна жара, грохота и давления, а в вытянутую ногу впился кусок осколка.

Полковник закусил губу, чтобы не закричать.

«Не доставлю этим отбросам такого удовольствия», — подумал он.

Над его головой стремительно пронеслись лазерные росчерки, и стрельба резко прекратилась.

— Полковник, — несколькими мгновениями позже из-за другой стороны верстака прозвучал настойчивый голос.

— Я здесь, — прорычал Тонхаузер и сморщился от боли, увидев торчавший из ноги зазубренный металл.

Пятеро стратоских бойцов с лазганями наготове обогнули угол станка.

Тонхаузер разглядел нашивки первого солдата.

— Появились как раз вовремя, сержант Рука, но не полагается ли вам быть с полковником Йонном и 18-ым на границе Кирриона?

Второй рядовой нес портативный вокс. На всех частотах раздавалось дребезжание докладов, сопровождаемое пульсирующим хором взрывов и приглушенным оружейным огнем со всех концов Нимбароса.

— Полковник Йонн погиб, сэр. И 18-ый выходит из Кирриона. Город полностью потерян, все наши безопасные зоны под угрозой, — сказал ему Рука. — Мы пришли за вами.

Тонхаузер скривился, когда два других бойца помогли ему подняться на ноги.

— Что с Кумулоном? Он тоже пал? — спросил он, миновав тела троих культистов и шатающейся походкой направляясь к запасному выходу из цеха.

Голос сержанта был пустым, но озабоченным.

— Мы потеряли их, сэр. Мы отступаем по всем фронтам за пределы городов и дальше по небесным мостам к Пилеону.

Как только они вышли на городские улицы, шум доносившейся отовсюду стрельбы резко усилился. Тонхаузер посмотрел сквозь укрепленный пластик купола города на грозное небо. Его зрение затуманивал дым, скрывая из виду верхнюю атмосферу города. Отступая с сержантом Рукой и его взводом, Тонхаузер осмелился оглянуться через плечо. Массовое отступление было в самом разгаре. Толпы далеких повстанцев приближались к их позициям, сжимая в руках разнообразные ружья и самодельное оружие. Их боевые кличи приглушались сшивающей губы проволокой — и этот эффект выводил из себя. Даже не слушая их, Тонхаузер мог сказать, что враг пошел в крупномасштабную атаку.

Прямо над их головами просвистела ракета, заставив Тонхаузера и остальных нырнуть. Она попала в стену депо трамваев на магнитной подвеске, и образовавшийся взрыв поглотил орудийную позицию авиакорпуса. Расчет из троих человек с воплями погиб среди кирпичей и огня.

Рука резко сменил направление, уводя Тонхаузера и бойцов по боковому переулку от рушащегося здания.

— Трон, как это произошло? — спросил Тонхаузер, когда Рука завел их в переулок, чтобы подождать, пока все не закончится. — Мы ведь теснили их, не так ли?

— Нас застали врасплох, — сказал Рука, ныряя обратно в переулок, когда взрыв бомбы осветил дорогу за ним. — Подорвали цепь мин-ловушек, которые нанесли нашим войскам тяжелый урон, а затем перешли

в массированное наземное наступление. Они используют передовую военную тактику. При таком состоянии дел нам никогда не отбить город. Мы должны перегруппироваться. Возможно, тогда нам удастся отбить Нимбарос и Кумулон, но Киррион...

Сержант замолчал, рассказав Тонхаузеру все, что знал о судьбе столицы.

— Что насчет губернатора Варкоффа?

— Он жив и находится в бункере, в Пилеоне. Это ближайший из малых небесных городов, который все еще остается под нашим контролем. Сейчас мы туда и направляемся. Он ввел в действие официальные протоколы бедствия на всех астропатических линиях и частотах дальней связи, запрашивая немедленную помощь.

— Сделай для меня одну вещь, солдат, — сказал Тонхаузер. Полковник подошел к концу переулка и увидел, как еще один взрыв повалил статую первого губернатора Стратоса. Она была символом имперского правления и порядка. Объятая пламенем, она упала на землю и раскололась.

— Что именно, сэр?

— Стань на колени и молись, — сказал Тонхаузер. — Молись о чертовом чуде...

ЗА ПОСЛЕДНИЕ сорок лет сон не изменился.

Сначала было только непередаваемое чувство жары, а затем Дак'ир вновь оказался в горячей темноте Игнейских пещер Ноктюрна. Во сне он был всего лишь мальчиком, и, прикасаясь детской рукой к стене этого враждебного места, он чувствовал ее шероховатость и остроту. Минеральные жилки блестели в свечении лавовых бассейнов, питаемых огненной рекой, которая была кровью горы. Затем Игнея исчезла, а вместе с ней исчез свет от огненной реки, перетекая в новое видение...

Под одетыми в сандалии ногами Дак'ира протянулось Плато Синдара цвета ржавчины и умбры, чья граница очерчивалась камнями-тотемами. По Пустыне Костров кружились клубы золы, скрывающие в тени охотившихся среди скал чешуйчатых саурошей. Наверху раздался гром, будто Гора Смертельного Пламени была готова закрыть небеса пламенем и дымом. Но великая гора Ноктюрна все еще дремала. Вместо этого, Дак'ир взглянул вверх и увидел несколько другое пламя — двигатели идущего на посадку огромного корабля.

После приземления на боку судна открылась рампа, и оттуда вышел могучий высокий воин, облаченный в зеленые пластинчатые доспехи, украшенные символом саламандр — живущих близ центра земли благородных существ. К нему присоединились другие, Дак'ир знал некоторых из них — он работал рядом с ними, отстраивая и собирая камни после Поры Испытаний. И все же его сердце дрогнуло от вида этих гигантов. Ведь он знал, что они пришли за ним...

Картина вновь поменялась, а вместе с нею поменялся и Дак'ир. Теперь у него была мантия воина и орудия войны. Его тело было облачено в бронированный панцирь, в кулаке сжат святой болт-пистолет, ониксовая плоть была ярким напоминанием об его сверхчеловеческом апофеозе. Над Дак'иром, подобно серым стражам, вырисовывались монолиты из камня и мрамора, улицы были уставлены рядами урн с прахом, а воздух наполняло резкое зловоние могильного пепла. Это был не Ноктюرن, но Морибар, и небеса здесь были окутаны смертью.

Где-то на границе этого серого и ужасного мира Дак'ир услышал крик, и видение в его мысленном

взоре исчезло, изменившись на лицо в огне. Он столько раз видел его, «горящее лицо», агонизирующее и обвиняющее, никогда в действительности не дающее ему покоя. Оно горело и горело, и скоро Дак'ир уже горел вместе с ним, и наполнявшие его уши крики стали его собственными...

«Мы только хотели вернуть их обратно...»

ДАК'ИР РЕЗКО открыл глаза, выйдя из боевой медитации. Остро ощущая свое учащенное дыхание и высокое кровяное давление, он провел успокаивающие разум процедуры, которые выучил, вступив в ряды сверхлюдей, космических десантников.

Вместе со спокойствием пришло понимание. Дак'ир стоял в полумраке кельи уединения, солитории, одной из многих на борту ударного крейсера «Гнев Вулкана». Она была немногим больше темницы — небольшая, аскетичная и со всех сторон окруженная холодными темными стенами.

Он быстро осознал подробности воспоминания.

Несколько недель назад они получили астропатическое послание, которое интерпретировал ротный библиарий Пириил. Саламандры направлялись к имперскому миру Стратос.

Одна из многих доходных добывающих колоний вдоль Пояса Адрона в секторе Редуктус сегментума Темпестус, Стратос был очень ценен для Империи за океанические минералы и регулярную десятину в виде призывников в Имперскую Гвардию. Спасение Стратоса и освобождение его жителей от наседавших кровожадных врагов было делом первостепенной важности.

За несколько часов до выхода на орбиту, Ко'тан Кадай определил шесть отделений, включая свою «Адскую Стражу», на роль оперативной группы, которая должна будет высадиться на Стратос и остановить анархию. Как диктовала Прометеева вера, все идущие в битву Саламандры должны были сначала очиститься огнем и пройти длительную медитацию, чтобы сконцентрировать разум на вере в собственные силы и внутреннем духе.

Никого, кроме Дак'ира, не беспокоили подобные приготовления.

Подобное не могло пройти незамечено.

— Мой повелитель? — спросил глубокий зычный голос.

Дак'ир посмотрел в направлении, откуда донеслись слова, и увидел закутанную фигуру Цека. Его жрец-клеймовщик был облачен в зеленые одеяния со знаком ордена — рычащей головы саламандры внутри кольца огня, — вышитым янтарной нитью на груди. Под служебной одеждой в мерцающем свете факела была едва видна полускрытая аугметика.

Палата была небольшой, но в ней было достаточно места для спутников Астартес.

— Готовы ли вы к почетному шрамиранию, мой повелитель? — спросил Цек.

Дак'ир кивнул, все еще не отойдя от сновидения. Он увидел, как Цек достает прут, раскаленный добела в жаровне, на которой босиком стоял Дак'ир. Астартес едва ли испытывал боль от объятых огнем углей. Все, что выдавало его, были капли пота на лысине и ониксово-черном теле, на котором не было ничего, кроме набедренной племенной повязки.

Ритуал был частью учения Прометеева Культа, которому упорно следовали все воины Саламандр.

Когда Цек приложил раскаленный прут к голой коже Дак'ира, он принял принесенную им боль. Его пламенные глаза, подобные самым горячим углям, выразили одобрение. Сначала Цек выжег три полосы, а затем разделил их кругом. Отметины добавились ко многим другим, сделанными им и другими жрецами-клеймовщиками на теле Дак'ира раньше, уже зажившим и зарубцевавшимся, явив тем самым живую историю многих битв Саламандр. Каждая из них означала выигранное сражение и поверженного противника. Каждый воин Саламандр должен был быть отмечен почетным шрамом до начала боя и после, знаменуя победу.

Отметки Дак'ира обвивали его ноги, руку, часть туловища и спины. Они были замысловатыми, и с добавлением каждого нового шрама становились все более детализированными. На лице же подобные отметки мог носить только ветеран множества кампаний, Саламандра с многовековой службой.

Цек склонил голову и отступил в тень. Обетный сервитор поплелся по его следу на выгнутых назад металлических конечностях, согнувшись под тяжестью сплавленной со спиной огромной жаровни. Астартес потянулся и погрузил обе руки в железную кальдеру, зачерпывая пепел из сожженного вещества, скопившегося на краях.

Дак'ир размазал белый пепел по лицу и груди, рисуя Прометеевы символы молота и наковальни. Это были одни из важнейших изображений в Прометеевых верованиях, которые, как полагали, придавали выносливость и силу.

— В груди моей пламя Вулканово бьется... — нараспев произнес он, делая длинный взмах рукой, чтобы вытянуть рукоять молота.

— ... Которым сокрушу я врагов Императора, — завершил другой голос, позволяя Дак'иру накрыть верхушку рукояти ладонью, образуя тем самым навершие молота, прежде чем показаться.

Брат Фугис вступил в свет жаровни, громко лязгая при движении. Он уже был облачен в зеленые силовые доспехи, но без шлема. Его кроваво-красные глаза ярко пылали в полумраке. Как и подобает космическому десантнику его должности, правое плечо Фугиса было окрашено в пепельно-белый цвет аптекариев, хотя на левом располагался символ ордена — рычащая пламенно-оранжевая голова саламандры на угольно-черном поле, — как у остальных боевых братьев третьей роты.

Тонколицый и пугающий, некоторые в роте предполагали, что Фугису скорее бы подошла более духовная специальность, нежели искусство исцеления. Но, оказываясь перед аптекарием, никто не осмеливался высказывать подобные «предположения» вслух из-за боязни возмездия.

Дак'ир отреагировал на внезапное появление аптекаря менее чем приветливо.

— Что ты здесь делаешь, брат?

Фугис ответил не сразу. Вместо этого он провел биосчитывателем по телу Дак'ира.

— Капитан Кадай попросил навестить тебя. Анализы лучше проводить до того, как облачишься в доспехи.

Фугис замолчал, ожидая результаты биосканирования, его тонкое, как лезвие, лицо было натянуто подобно проводу.

— Руку, Астартес, — не глядя, добавил он, и указал на конечность Дак'ира.

Дак'ир протянул руку аптекарию, и тот, взяв ее за запястье, набрал в пробирку немного крови. После

того, как она была вставлена в миниатюрную центрифугу, камера в его перчатке провела биохимический анализ.

— Всех моих братьев подвергли столь строгим проверкам? — сдерживая раздражение в голосе, спросил Дак'ир.

Фугис был явно удовлетворен результатами серологии, хотя тон его оставался сухим.

— Нет, только тебя.

— Если брат-капитан сомневается в моей силе воли, то ему следовало послать сюда капеллана Элизия.

Внезапно Фугис схватил челюсть Дак'ира в бронированный кулак и тщательно осмотрел его лицо.

— Как тебе наверняка известно, Элизий не на борту «Гнева Вулкана», поэтому проверить тебя послали меня.

Указательным пальцем другой руки Фугис оттянул черную кожу под левым глазом Дак'ира, заставив щеку окраситься в кроваво-красный цвет.

— Ты все еще испытываешь сомнамбулические видения во время боевых медитаций? — спросил он. Затем, явно удовлетворившись, он отпустил Дак'ира.

Брат-сержант почесал челюсть в том месте, где аптекарь сжал ее.

— Если ты имеешь в виду мои сны, тогда да. Это иногда происходит.

Аптекарь с непроницаемым лицом взглянул на приборную панель перчатки.

— Что тебе снится?

— Я снова мальчик, на Ноктюрне в пещерах Игней. Я вижу день, когда прошел испытания на Плато Синдара и стал Астартес, мое первое задание неопита...

Голос Саламандры затих, его лицо помрачнело от воспоминания.

Горящее лицо...

— Ты единственный из нас, единственный из Огненнорожденных, кого когда-либо избрали с Игней, — сказал Фугис, сверля Дак'ира взглядом.

— Какое это имеет значение?

Фугис никак не отреагировал на эти слова и вернулся к анализам.

— Ты сказал, «мы только хотели вернуть их обратно». Кого ты имел в виду? — спросил он через некоторое время.

— Ты был на Морибаре, — произнес Дак'ир и сошел с жаровни в котле. Разгоряченная кожа начала испускать пар, соприкоснувшись с холодным металлическим полом его кельи уединения. — Ты знаешь.

Фугис оторвался от своих инструментов и данных. Его глаза мимолетно смягчились от сожаления. Однако они быстро сузились, вновь спрятавшись за холодным безразличием.

Он безрадостно рассмеялся, его губы изогнулись скорее в усмешке, нежели в улыбке.

— Ты готов к бою, брат-сержант, — сказал он. — Высадка на Стратос начнется менее чем через два часа. Встретимся на палубе сбора шесть.

Затем Фугис механически отдал честь и повернулся спиной к брату Саламандре.

С уходом аптекаря Дак'ир почувствовал облегчение.

— И, брат Дак'ир... Не все из нас хотят вернуться обратно. Не все из нас могут вернуться обратно, — сказал Фугис и растворился во тьме.

ПОВЕРХНОСТЬ СТРАТОСА корчилась в бесконечных бурях. Кипящее буйство прочертила молния, и грозовые облака столкнулись в сильных вспышках, но лишь для того, чтобы разойтись несколькими секундами позже. Сквозь эти эфемерные промежутки в облаках показывались крошечные уплотнения отбеленных хлором скал и голой земли, окруженные кружащимся вихрем моря.

Над ярящейся бурей неслись, ревя турбовентиляторными двигателями, два «Громовых Ястреба» — «Огненная Виверна» и «Копье Прометея». Они направлялись к конгломерации городов в верхней атмосфере Стратоса. Названные уроженцами Стратоса «лофт-городами», эти огромные накрытые куполами метрополии из хрома и пласткрита служили домом приблизительно четырем миллионам тремстам тысячам человек, связанные между собою серией массивных небесных мостов. Из-за выделяемых океанами концентрированных испарений хлора, стратосцы были вынуждены поднять свои города с помощью питаемых плазмой гравитационных двигателей на такую высоту, что каждый нуждался в собственной атмосфере для того, чтобы жители могли там дышать.

Дак'ир все еще не мог забыть слов Фугиса, и ему очень хотелось, чтобы царившая внутри отсека санктуария «Огненной Виверны» суэта заглушила его раздумья. Десантный отсек корабля был практически полон — двадцать пять Астартес, удерживаемых в стоячем положении в гравиподвесах, пока «Громовой Ястреб» совершал финальный спуск.

Ближайшим к спусковой рампе был брат-капитан Кадай, чей взор горел храбростью и твердой верой. Он был облачен в стилизованные под ящера доспехи ручной работы, и, как и его подчиненные, еще не надел шлем. Вместо этого, он прицепил его к поясу в виде воссозданного в металле рычащего огненного дракона. Его коротко стриженные волосы были белыми и обритыми в полосу, делящую голову пополам. Рядом с ним находилось его командное отделение, «Адская Стража»: Н'келн, заместитель Кадая, непоколебимый, если не бессердечный, офицер; чемпион роты Век'шен, который поверг бесчисленное количество врагов во имя ордена, сжимавший огненную глефу; почетный брат Маликант, несущий в битву знамя роты, и почетный брат Шен'кар, прижимавший к груди огнемет. Фугис был последним. Заметив Дак'ира, аптекарий сдержанно кивнул в его сторону.

В отсеке было темно. Глаза Саламандр пылали красным светом. Соскользнув с Фугиса, взгляд Дак'ира переместился на другого воина, от вида которого его взор холодно загорелся.

С другой стороны отсека на него пристально смотрел Цу'ган. Дак'ир сжал кулаки.

Цу'ган был воплощением Прометеева идеала. Сильный, стойкий, самоотверженный — он был всем тем, к чему должен был стремиться каждый воин Саламандр. Но глубоко внутри него таилась частичка высокомерия и превосходства. Он родился в Гесиоде, одном из семи городов-убежищ Ноктюрна, и месте основного набора в орден. В отличие от большинства жителей вулканического мира смерти, Цу'ган рос в относительном богатстве. Его семья была из благородного сословия племенных королей, находившаяся

на незначительной вершине богатства и влиятельности ноктюрнийцев. Дак'ир был скитающимся пещерным жителем Игней и находился в самом низу. Сам факт того, что он стал Астартес, был беспрецедентным. Ведь так мало кочевых племен когда-либо доходило до священных мест, где посвященные проходили испытания, не говоря уже об участии и победе в них. Дак'ир был во многом уникальным. Для Цу'гана он же был отклонением. Став Астартес, они оба должны были оставить свое человеческое прошлое, но столетия укоренившегося предрассудка невозможно было подавить.

«Громовой Ястреб» резко ушел в сторону, направившись на смежную с лофт-городом Нимбаросом зону посадки, и разорвал возникшее напряжение между двумя сержантами. Внешние пластины брони от внезапного усилия несогласно завизжали, но внутрь звук дошел лишь как приглушенный металлический стон.

— Грядет буря? — вопросительно закричал Ба'кен.

Лысый Астартес был тяжеловооруженным воином Дак'ира, широкие плечи и толстая шея делали его идеальным кандидатом для исполнения этой задачи. Ба'кен, как и многие в ордене, был также одаренным ремесленником и мастером. Висевший у него на спине тяжелый огнемет был уникальным среди тактических отделений — он самостоятельно изготовил оружие в пылающих кузнях Ноктюрна.

— Согласно докладам стратосцев, предателей очень много, и они хорошо укрепились. Это будет не...

— Мы — буря, брат, — перекрикивая шум двигателей, вставил Цу'ган, прежде чем Дак'ир успел закончить.

— Мы очистим это место огнем и пламенем, — фанатично прорычал он, — и принесем искупление нечистым.

Ба'кен торжественно кивнул другому сержанту, но Дак'ир почувствовал, как его кожа заливается гневной краской от столь явной непочтительности к его званию командира.

Над ними замигал янтарный предупредительный сигнал, и зазвучал голос брата-капитана Кадая, предотвращая дальнейшую ссору.

— Надеть шлемы, братья!

С согласным лязгом металла об металл, Астартес надели боевые шлемы.

Дак'ир и Цу'ган надели свои последними, не желая ни на миг разрывать зрительный контакт. Мрачно улыбнувшись, Цу'ган в конце концов уступил, и одними губами произнес фразу.

«Очистим нечистых!»

— ЗА КУМУЛОН НА востоке и Нимбарос на юге все еще ведутся бои, но мои войска с каждым часом занимают все больше территорий, а также им удалось взять под контроль небесные мосты, соединяющие три города, — объяснял истекающий потом полковник Тонхаузер по потрескивающей пикт-связи «Лендрейдера Искупителя», в котором находился Кадай. Сама огромная машина носила название «Огненная Наковальня». — Мы используем их для вывода выжившего гражданского населения. Хотя за вражескими линиями все еще остаются тысячи других, в том числе и мои люди.

— Вы сделали здесь работу самого Императора, и даю вам клятву Саламандр Вулкана, что если представится возможность спасти этих людей, то я сделаю это, — ответил Кадай, стоя в отсеке военной

машины, грохотавшей по небесному мосту Кирриона. Вместе с ним в конвое, лязгая гусеницами, двигалось еще четыре «Носорога», транспортирующих остальную часть боевой группы.

Когда Саламандры совершали планетарную высадку за пределами Нимбароса, Кадай приказал брату Аргосу, Магистру Кузни, провести конструктивную оценку подъездного пути к Кирриону. Используя чертежи зданий стратоских городов, сначала загруженных в когитаторы «Гнева Вулкана», а потом переданных на дисплей «Огненной Виверны», техnodесантник решил, что небесные мосты едва ли подходили для посадки кораблей и выгрузки воинов Астартес.

Менее чем двадцать минут спустя, с орбиты спустились три транспортных «Громовых Ястреба», отгрузившие специализированные транспорты Саламандр.

Кадай держал воинов на посадочной площадке построенными отделениями, готовых к прибытию транспортов. У них не было времени для разбора тактики с уроженцами Стратоса. Это будет сделано по пути к Кирриону.

— Буду молить Императора, что некоторые все еще живы, — продолжил Тонхаузер по пикт-связи, соединяющей все транспорты Астартес.

— Но, боюсь, Киррион потерян для нас, повелитель Астартес, — добавил он, трясущимися пальцами закуривая новую сигару. — Там теперь ничего не осталось, кроме смерти и ужаса.

Казалось, будто он избегал смотреть на экран. Во время поездки по небесному мосту Кадай снял шлем, и человеку было явно не по себе от его внешности.

«Войны выигрывались не одной только силой», вспомнил он слова, которые говорил ему старый Магистр Рекрутов почти триста лет назад, когда Кадаю дали черный панцирь.

— Расскажи мне о враге, — сказал Кадай, и его лицо ожесточилось от одной лишь мысли о подобной муке.

— Они называют себя «Культом Правды», — ответил Тонхаузер, на секунду пикт-связь исказилась от статических помех. — Еще около трех месяцев назад они были всего лишь маленькой группкой недовольных имперских граждан, наловчившихся избегать побоев городских прокторов. Теперь их, по крайней мере, пятьдесят тысяч, и они окопались по всему Кирриону. У них есть тяжелое оружие. Большинство военных кузниц, флотов дирижаблей и кораблей Стратоса располагается в столице. Повстанцы носят на теле отметки, обычно скрытые под одеждой, имеющие вид татуировок в форме кричащего рта. А вот их рты..., — сказал он, сделав судорожный вдох, — их рты защиты проволокой. И мы полагаем, что они также отрезали себе языки.

— Почему вы так считаете?

Несмотря на свой страх, Тонхаузер встретил горящий взгляд капитана.

— Потому что никто не слышал, как они говорят, — Тонхаузер побледнел еще сильнее. — Сражаться с врагом, который не кричит, не говорит вслух приказов. По-моему, это неестественно.

— У этого культа есть лидер? — спросил Кадай, всем своим естеством выражая неприязнь к подобной мерзости.

Тонхаузер крепко затянулся сигарой, прежде чем потушить ее в пепельницу и прикурить новую.

— Нам удалось собрать совсем немного информации, — признал он. — Но, по нашим предположениям, там есть своего рода верховный жрец. И, хотя это не подтверждено, мы считаем, что он находится в храмовом районе. Нам известно лишь то, что мятежники называют его Говорящим.

— Ироничное имечко, — пробормотал Кадай. — Сколько у вас осталось солдат, полковник?

Тонхаузер облизал губы.

— Достаточно, чтобы удерживать два города-спутника. Пока мы говорим, мои солдаты отступают из Кириона. Я потерял столь многих... — Тонхаузер тяжело уронил голову. Он походил на человека, которой отдал уже все, что у него было.

— Продолжайте удерживать города, полковник, — сказал ему Кадай. — Теперь за Кирион возьмутся Саламандры. Вы исполнили свой долг перед Империем, и да будете вы чтимы за это.

— Спасибо, мой повелитель.

Пикт-связь наполнилась треском статики, когда Кадай оборвал соединение.

Капитан отвернулся от чистого экрана дисплея, чтобы взглянуть на находившегося подле него аптекаря Фугиса.

— Их боевой дух висит на волоске, — пробормотал он. — Никогда раньше не видел подобного отчаяния.

— В таком случае мы вмешались как раз вовремя, — Кадай посмотрел через плечо Фугиса на остальных членов командного отделения.

Н'келн готовил их к сражению, ведя обряд Прометеева Культа.

— На наковальне мы закалены, в воинов выкованы... — нараспев говорил он, и остальные торжественно повторяли за ним. Они стояли вокруг маленькой жаровни, встроеной в пол десантного отделения. В котле горели подношения Вулкану и Императору — клочки стягов и измельченные в пыль кости. Один за другим, «Адская Стража» брала горсти пепла и метила ими доспехи.

— Одно дело партизанская война, но победить целый гвардейский полк... думаешь, мы столкнулись здесь с чем-то большим, нежели просто восстанием культа? — спросил Фугис, отведя взгляд от ритуала, очевидно решив провести его позже.

Кадай закатил глаза, обдумывая вопрос аптекаря.

— Пока не знаю. Но это место что-то терзает. У этого так называемого «Культа Правды» имеется много последователей.

— Он распространяется среди населения подобно чуме, и, предполагаю, корни его скорее психологические, чем идеологические, — сказал аптекарь.

Кадай никак не отреагировал на намек.

— Я не могу основывать стратегию на простой гипотезе, брат. Лишь вторгнувшись в город, мы поймем, с кем имеем дело, — капитан на мгновение замолчал, прежде чем спросить. — Что с Дак'иром?

Фугис понизил голос, чтобы его никто не смог услышать.

— Физически, с нашим братом все в порядке. Но он все еще встревожен. Воспоминания об его

человеческом прошлом на Ноктюрне и первом задании...

Кадай нахмурился.

— Морибар... Даже спустя четыре десятилетия он все еще цепляется за нас, подобно темному савану.

— Его память работает... необычно. И, думаю, он все еще чувствует на себе вину за то, что случилось с Нигиланом, — предположил Фугис.

Лицо Кадая еще сильнее помрачнело.

— Не он один чувствует подобное, — пробормотал он.

— Также и Ушорак.

— Вай'ган Ушорак был предателем. Он заслужил свою судьбу, — решительно ответил Кадай, прежде чем сменить тему. — Дух Дак'ира очистится в бою — таков путь Саламандр. Если это не поможет, тогда я передам его в реклюзиам капеллану Элизию для кондиционирования.

Кадай вновь активировал открытый вокс-канал, тем самым показывая, что разговор был окончен.

Пришло время обратиться к войскам.

— БРАТЬЯ... — Дак'ир услышал голос капитана по воксу. — Наше задание простое. Освободить город, защитить горожан и уничтожить еретиков. В Киррион войдут три штурмовые группы, которые должны будут сектор за сектором зачистить его и испепелить врагов — «Молот», «Наковальня» и «Пламя». Сержанты Цу'ган и Дак'ир возглавят «Наковальню» и «Пламя», западные и восточные секторы города соответственно. Тяжелой поддержкой из опустошителей будут отделения «Адского Огня» сержанта Ул'шана для «Наковальни» и «Испепелителей» Лока для «Пламени». Вместе с сержантом Омкаром я поведу «Молот» на север. Огнеметы будут со всеми подразделениями. Пусть ничто не остановит ваш гнев. Для таких битв мы были рождены. Во имя Вулкана. Кадай, конец связи.

Эфир вновь заполонила статика. Дак'ир полностью отключил связь, когда конвой медленно грохотал мимо заставленных мешками с песком и обмотанных колючей проволокой аванпостов. На постах стояли изможденные солдаты с запавшими глазами, слишком уставшие от многодневных сражений, чтобы как-либо реагировать на присутствие Астартес.

— Они сломлены, — нарушил тишину Ба'кен, взглянув в одну из смотровых щелей «Носорога».

Дак'ир проследил за пристальным взглядом своего воина.

— Они не походят на уроженцев Ноктюрна, Ба'кен. Их не готовили к подобным трудностям.

Мимо конвоя в противоположном направлении прошла длинная колонна стратоского авиакорпуса. Солдаты с лазганами через плечо тащились подобно автоматам, некоторые баюкали раны, другие при ходьбе опирались на палки. Все они были в противогазах и коричневых пальто для защиты от холодного открытого воздуха. Лишь города были накрыты куполами, небесные же мосты стояли открытые внешней погоде, хотя были ограждены высокими стенами и подвешены к грубо выглядевшим опорным колоннам толстыми тросами.

В конце разбитой дороги вырисовывались ворота Кирриона. Проход в столицу был гигантским, весь из

простого черного металла, герметически запечатанный для поддержания целостности атмосферы.

— Я успел услышать разговор группы солдат, прежде чем мы проехали мимо них, — при приближении к воротам заметил Ба'кен. — По их словам, Киррион был настоящим адом.

Дак'ир проверил энергетический заряд плазменного пистолета, прежде чем загнать оружие обратно в кобуру.

— Мы родились в аду, Ба'кен... Что нам сделается от крошечного огонька?

Громогласный смех Ба'кена сотрясал «Носорог» весь оставшийся путь к воротам.

ГЛУБОКИЕ НЕДРА Кирриона изобиловали монстрами.

Сержант Рука мчался разрушенными улицами, преследователи гнались за ним по пятам. Его сердце тяжело колотилось. Главная энергосистема обрушилась, и теперь город освещался лишь неустойчивым светом люмилампы, питаемых резервными генераторами. С каждой спорадической вспышкой, тени, казалось, наполнились все новыми угрозами и врагами. Ему это никоим образом не помогало.

Рука был в составе второго удара на столицу. Штурм полностью провалился. Укрытыми тенью коридорами Кирриона кралось нечто еще, и оно обрушилось на его батальон с яростным гневом. Никто не ожидал подобного. Согласно стратегии атаки для его батальона, Рука преднамеренно следовал окольными путями, обходя основные зоны боев, чтобы пройти северный сектор города.

Согласно всем собранным стратосцами разведанным, сопротивление повстанцев не должно было быть слабым. Но пятьсот человек были истреблены не мятежниками.

Рука был последним из них, каким-то чудом избежав резни, но теперь культисты напали на его след. К тому же, их становилось все больше. Его когда-то гордый город лежал в руинах. Ему было сложно представить себе еще что-то более мрачное. Там, где однажды тянулись avenю, теперь были лишь кучи щебня. От хромированных площадей остались обугленные ямы, обрывающиеся в бездонную тьму. Сюда пришел ад. Другими словами это было невозможно описать.

Обогнув еще один угол, Рука резко остановился. Он стоял у входа в станцию трамваев на магнитной подвеске, на одной стороне которой располагалась группа промышленных складов, а на другой — высокая стена и надземный переход. Дорогу перед ним устлали сами трамваи, от которых остались только измазанные грубыми надписями выжженные остовы. Но внимание сержанта привлек туннель. Во мраке что-то стремительно приближалось.

Рука услышал за собою шум толпы. Она замедлилась. Тогда он и понял, что его все время направляли в это место. Звуки из туннеля стали громче, а орда — ближе. В поле зрения попали культисты. Рука насчитал, по крайней мере, пятьдесят человек, и у каждого из них был зашит рот с выпирающими сквозь сморщенные губы синими венами. Они были вооружены кирками, кусками металла и стекла.

Свою гибель Рука представлял себе иначе.

Сержант застрелил одного и уже собирался прицелиться в следующего врага, когда на улицу упал кусок рокрита. Рука проследил за траекторией его полета обратно к переходу и увидел в рассеянном свете силуэты троих бронированных гигантов.

Искра спасения, ожившая было в разуме Руки, быстро погасла, когда он понял, что эти существа

пришли сюда не ради него.

Секундой позже грянул гром, и тьму разорвали дульные вспышки.

Рука понял, что сейчас должно было произойти, и бросился на землю. Смертоносный залп продолжался всего лишь удар сердца, но этого оказалось достаточно. Культисты были полностью уничтожены — их разбитые, взорванные тела устлали улицу подобно грубому мусору.

Рука лежал на спине, ошеломленный внезапностью атаки. Не сумев почувствовать ног, он понял, что был ранен. Бок жгло, будто его полоснули ножом. Его форма была влажной, возможно даже от собственной крови. Рядом с лежавшим ничком сержантом на землю приземлилось нечто огромное и массивное, и от встряски в его тело впились новые кинжалы боли. За ним последовало еще несколько толчков, тяжелые и быстрые, подобные ударам миномета.

В глазах потемнело, но сержанту удалось повернуть голову,... Его залитые кровью глаза расширились. На земле в согбенной позе стоял ужасающий великан в окровавленных доспехах, из его шлема в форме ревущего дракона вились два алых рога. Он встал на ноги, подобно вылезавшему из недр первобытному зверю, явив миру обмотанную багровой чешуей огромную пластину нагрудника. Бронированная фигура, казалось, источала жар, будто ее недавно выковали из самой мантии вулкана.

— Хранилище, где оно? — спросил гигант-дракон, и сквозь ротовую решетку в шлеме заструились тлеющие угольки, будто он выдыхал пепел и золу.

— Близко... — ответил другой. Его голос походил на хрустящий пергамент, но с оттенком силы.

Рука понял, что последующие толчки означали приземление компаньонов огромного воина.

— Мы не одни, — сказал третий, чей голос был глубоким и хриплым подобно потрескивающей магме.

— Саламандры, — с очевидным сарказмом произнес драконий гигант.

— Тогда нам лучше поторопиться, — ответил второй голос. — Я не хочу их упустить.

Рука услышал тяжелые шаги и почувствовал на себе злобный взгляд одного из бронированных великанов.

— Этот еще жив, — пролаял он.

Взгляд Руки почти погас, но сержант все еще чувствовал исходящий от доспехов запах меди, смешанный с резкой кислотным зловонием оружейного дыма.

— Никого не оставляй в живых, — сказал второй голос. — Убей его быстро. У нас нет времени для развлечений, Рамлек.

— Жаль...

Рука пытался говорить.

— Импе...

Затем его мир утонул в огне.

ТЕМНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ворота Кирриона открылись с медленной неизбежностью.

Бронетанковый конвой Астартес прогрохотал сквозь них в ожидающий сумрак. Спустя пару мгновений ворота захлопнулись за ними. На стенах замерцали галогенные полосы, осветив огромный металлический зал, достаточно широкий для того, чтобы их транспорты смогли проехать в ряд.

У стен стояли брошенные стратоские машины, оттянутые туда очистительными командами. Возле оставленных боевых машин пехоты было разбросано различное оборудование. Здесь можно было найти все — снаряжение, осветительную аппаратуру и другие вспомогательные комплекты. Не было только оружия — человеческие защитники нуждались в каждой винтовке.

Герметически закрытая ради сохранения целостности атмосферы, зона ожидания имела еще одни ворота на противоположной стороне, которые вели в сам Киррион. Они открылись с шипением сжавшегося воздуха, когда Саламандры доехали до середины обширного коридора.

Предместья погруженного во мрак города притягивали.

Пустынные авеню кровавыми тропами уводили в темноту, дома лежали в руинах подобно открытым ранам. Огонь опалил стены, а кровь омывала улицы. Отчаяние висело в воздухе подобно осязаемой духоте. В Киррион пришла смерть, и она крепко держала его в костяной хватке.

Сродни улью, Киррион в наиболее плотно заселенных районах состоял из сотовидных уровней. Эти конурбации-плато из хрома и лазури соединялись гравитационными лифтами. В других местах подуровни шли вниз, ведя к перевернутым шпильям технического обслуживания или обширным подземным грузовым площадкам. Крышу устилала движущаяся масса плотного дымового покрова. Сквозь прорехи в серо-черном смоге виднелись несущиеся облака, и вспышки молний атмосферной бури снаружи купола.

В тактическом плане город представлял собою кошмарный лабиринт из скрытых ловушек, искусственных теснин и зон поражения. На шоссе были разбросаны противотанковые ёжи. Каждую дорогу обвивали мотки колючей проволоки. Груды щебня и обломков создавали штучные стены и непроходимые препятствия.

Саламандры достигли площади Аереона, одной из общих площадей Кирриона, когда забитые обломками и опутанные проволокой улицы оказались окончательно непроходимыми для транспортов.

Это должно было стать одной из многих задержек.

— Саламандры, высаживаемся, — строго сказал Кадай по воксу. — Тремя группами, исследуем квадрант за квадрантом. Транспорты остаются здесь. Дальше мы пойдем пешком.

— НИЧЕГО, — голос Ба'кена в боевом шлеме казался резким, металлическим. Он стоял лицом к дверному проему одного из муниципальных храмов Кирриона. Его зёв был подобен голодной утробе, тени внутри казались наполненными угрозой.

Стоявший за ним Дак'ир решительно отдал приказ.

— Сжечь.

Ба'кен поднял тяжелый огнемет и омыл комнату жидким прометием. Внезапный взрыв зажигательного вещества вспышкой осветил широкий коридор, давая намек на то, что пространство внутри было куда больше, прежде чем оставить на стенах тлеющие угольки.

— Чисто, — крикнул он, тяжело отойдя в сторону, позволяя сержанту и боевым братьям пройти мимо.

Сержант Лок и его опустошители находились в арьергарде и с занятых позиций прикрывали вход, пока Ба'кен вместе с остальным бойцами тактического отделения не прошли внутрь.

Дак'ир вошел стремительно, отделение рассредоточилось за ним веером для прикрытия потенциальных направлений атаки.

Они передвигались по городу уже почти час, миновав по пути три наполненных руинами жилых района, и до сих пор не встретили ни друзей, ни врагов. По устройствам связи в шлемах Астартес приходили регулярные донесения о том, что у двух других штурмовых групп дела обстояли так же.

Кирион был мертв.

Кругом виднелись признаки быстрого бегства — в выбитых окнах квартир виднелся мерцающий свет люминесцентных ламп, в общественных столовых софоны играли гранулярные мелодии, низкооборотные двигатели бездействующих гравимобилей и внутреннее освещение повсеместно остановившихся маг-трамваев. Жизнь завершилась здесь резко и яростно.

Многочисленные шоссе и обычные дороги были перекрыты ямами или щебнем. По словам брата Аргоса, муниципальный храм был наиболее оптимальным путем для проникновения вглубь восточного сектора. Он также предположил, что именно здесь, скорее всего, будут собираться уцелевшие люди. Технодесантник остался в Нимбаросе вместе с полковником Тонхаузером, направляя три штурмовые группы по гололитическим схемам, корректируя изображение, получая доклады от Саламандр о перекрытых или обвалившихся улицах и снесенных зданиях.

— Брат Аргос, «Пламя» на связи. Мы достигли муниципального храма, и теперь нам нужна схема прохода через него, — сказал Дак'ир. Даже сквозь силовые доспехи он чувствовал приятный гул плазменных двигателей, поддерживающих массивный город в воздухе, и напоминавший о природе их поля боя.

Отгнав такие мысли, он обвел прикрепленным к боевому шлему осветителем обширный холл. В его ярком свете он увидел ромбовидный зал со стеллажами стоек на обеих боковых стенах. Над головой, зернистыми очажками разлившись по стеклянному куполу, городские люминесцентные лампы освещали землю. Вспышки молний в высокой атмосфере Стратоса лишь усиливали их.

Подоженные огнеметом Ба'кена обрывки пергамента и писчей бумаги бесшумно носились по отполированному полу или кружились подобно светлячкам на невидимом ветру. Еще больше бумажек судорожно трепетали на поддерживающих сводчатую крышу столбах — одни были прикреплены обетным воском, другие наскоро приколочены гвоздями и кольями. Сообщения, несомненно, были оставлены здесь горющими семьями, давно утратившими всякую надежду.

— Это извещения о смерти, молитвы за пропавшими, — провозгласил брат Эмек, придерживая дулом болтера одну из таких бумажек, чтобы прочитать ее.

— Здесь еще, — добавил брат Зо'тан. Он повел фонарем вверх на хромированную лестницу в задней части комнаты, осветив одетые в костюмы тела клерков и администраторов, запутавшиеся в балюстраде. Изорванные свитки были прицеплены к перилам и собрались над трупами на ступенях подобно бумажному савану.

— Их должно быть тысячи... — произнес вошедший в вестибюль сержант Лок. Суровый ветеран выглядел

еще мрачнее обычного, бионическим глазом осматривая доклады о погибших.

— Двигайтесь к северному концу коридора, — вернулся потрескивающий от помех голос технодесантника. — Лестница ведет на второй уровень. Продолжайте идти на север через следующий зал, затем на восток по галерее до тех пор, как не увидите ворота. Там ваш выход.

Дак'ир выключил устройство связи. Во внезапно наступившей тишине он услышал громко гудевшие в опоясывающей город барьерной стене атмосферные процессоры, которые очищались, рециркулировались и регулировались. Он уже собрался отдать приказ выдвигаться, как звук резко изменился. Трясти начало сильнее, так, будто обрабатывающий двигатель перешел на более быстрый темп.

Дак'ир вновь включил устройство связи в боевом шлеме.

— Цу'ган, ты не заметил никаких различий в атмосферных процессорах в своем секторе?

Канал на тридцать секунд заполонил треск статики, прежде чем сержант не ответил.

— Ничего. Будь бдительным, игнеец. У меня нет желания вытягивать твоё отделение из проблем, когда ты расслабишься.

Цу'ган отключил устройство.

Дак'ир выругался на выдохе

— Выдвигаемся, — приказал он. Он надеялся, что они скоро найдут врага.

— ЕМУ НИКОГДА не стоило доверять командование, — пробормотал Цу'ган своему заместителю, Ягону.

— У нашего брата-капитана, должно быть, были на то причины, — ответил он как всегда неискренним, но осторожно-нейтральным тоном.

Ягон постоянно находился возле сержанта, готовый дать совет. Его телосложение было хлипким по сравнению с большинством своих братьев, но он восполнял нехватку веса коварством и хитростью. Ягон стремился к власти, и сейчас это был Цу'ган, восходящая звезда капитана Кадая. Также он нес ауспекс отделения, наблюдая за необычными скачками активности, которые могли означать засаду. Ягон находился всего в двух шагах за сержантом, пока они крались по теням гидропонной фермы.

По обширному куполообразному залу тянулись облаченные в хромированные цистерны крошечные резервуары с питательными растворами. Установленные плотными рядами химические контейнеры были переполнены различной съедобной растительностью и другой флорой. Листва в большом бельведере из хрома и стекла слишком сильно выросла, напоминая теперь скорее искусственные джунгли, чем имперское предприятие по обеспечению питанием жителей всего сектора.

— Тогда за этим стоит его глупость, — ответил Цу'ган, и внезапно жестом приказал остановиться.

Он пригнулся, вглядываясь в древесный мрак впереди. Отделение, отлично обученное своим сержантом, заняло наблюдательные позиции.

— Огнемет, — прорычал он в устройство связи.

Брат Гонорий выдвинулся вперед, запальник на его оружии тихо горел. Саламандры увидели вспышку

голубого пламени всего лишь на мгновение, будто оно вступило в реакцию с чем-то в воздухе. Хлопнув по дулу, Гонорий пробормотал литанию духу машины, и все вернулось в норму.

— По вашему приказу, сержант.

Цу'ган поднял руку.

— Погоди секунду.

Ягон опустил болтер, сверяясь с ауспексом.

— На показателях нет признаков жизни.

Лицо Цу'гана замерло в гримасе.

— Очищай и сжигай.

— Мы уничтожим продовольствие для всего городского сектора, — сказал Ягон.

— Поверь мне, Ягон, стратосцам уже ничем не помочь. Я все же рискну. Давай, — сказал он, оборачиваясь к Гонорию, — очищай и сжигай.

Рев огнемета заполнил гидропонный купол, сжигая до пепла еду жителей Кирриона.

— ОНИ ЗАМАНИВАЮТ НАС, — сказал сержант-ветеран Н'келн по устройству связи. Он шел впереди, вода болтером туда-сюда в поисках врага.

— Знаю, — согласился Кадай, склонный доверять своим и Н'келна воинским инстинктам. Капитан держал инферно-пистолет у бедра, в другой руке тихо потрескивал громовой молот.

— Будьте начеку, — прошипел он по боевому шлему своему отделению, осторожно продвигавшемуся с болтерами наготове.

Открывающийся вокруг них город был высоким и внушительным, пока Саламандры медленно шли по узкой дорожке, забитой обломками и трупами стратосцев — «остатками» батальонов, о которых упоминал Тонхаузер. Несчастные человеческие солдаты возвели обложенные мешками с песком укрепления и баррикады. Жилые дома были превращены в бункеры, из окон которых теперь подобно тряпкам одиноко свисали тела. Защитные сооружения не спасли их. Стратоскую пехоту разбили наголову.

Нахмурившись, Фугис склонился над останками взорванного лейтенанта.

— Обширная физическая травма, — пробормотал аптекарий, когда к нему приблизился капитан Кадай.

— По словам полковника Тонхаузера, у культистов есть тяжелое оружие, — предположил ставший рядом с ним Н'келн.

Фугис продолжил осматривать труп.

— Грудная клетка полностью выпотрошена, находящиеся в ней органы практически превращены в кашу.

Подняв взгляд на товарищей Саламандр, его красные глаза вспыхнули за линзами шлема.

— Это болтерное ранение.

Кадай собирался что-то сказать, когда спереди их позвал брат Шен'кар.

— Движение!

— СНИЗЬ ПОДАЧУ, — предупредил Дак'ир, поднимаясь по лестнице вестибюля к огромной хромированной арке, за которой начинался второй уровень муниципального храма.

Запальник на тяжелом огнемете Ба'кена неистово плевался искрами и мерцал, пока Астартес не уменьшил уровень подачи топлива по шлангу.

— Проблема?

— Нет, сержант, — ответил он.

Дак'ир вместе с боевыми братьями по обе стороны от него продолжили подъем, в то время как опустошители все еще находились в вестибюле, готовые выдвинуться вперед в случае необходимости. Поднявшись, он увидел еще один длинный зал, как и описывал брат Аргос. Комната была наполнена неиспользуемыми когитаторами и прочей техникой. Обводя пристальным взглядом всю эту рухлядь, Дак'ир резко замер.

В центре зала, окруженный телами рабочих Администратума, был мальчик. Ребенок, не больше восьми лет от роду, был босым и одет в лохмотья. Грязь и запекшаяся кровь покрывала его тело подобно второй коже. Мальчик смотрел прямо на Дак'ира.

— Не двигайтесь, — прошептал он боевым братьям по устройству связи. — У нас тут выживший.

— Милость Вулкана, — выдохнул стоявший возле него Ба'кен.

— Не подходи, — предупредил Дак'ир, делая шаг вперед.

Мальчик вздрогнул, но не убежал. По его лицу потекли слезы, оставляя на грязи бледные дорожки.

Дак'ир украдкой оглянулся в поисках потенциальных опасностей, прежде чем убедиться, что путь был чист. Вернув в кобуру плазменный пистолет и вложив в ножны цепной меч, он показал бронированные ладони мальчику.

— Тебе нечего бояться... — начал он и медленно стянул боевой шлем. Дак'ир запоздало понял свою ошибку.

Ребенок не был уроженцем Ноктюрна. Единственный взгляд на ониксово-черную кожу вкупе с горящими глазами Саламандры заставил мальчика завопить и что есть мочи броситься прочь из зала.

— Проклятье, — прошипел Дак'ир, натягивая обратно боевой шлем и доставая оружие.

- Сержант Лок, твое отделение берет под контроль комнату и ждет нашего возвращения, — приказал он по устройству связи. — Остальные братья со мной — здесь могут быть выжившие, и мальчик приведет нас к ним.

Саламандры начали погоню, пока опустошители поднимались вслед за ними. Дак'ир вместе с отделением пересек половину зала, когда почувствовал на наголеннике слабое натяжение проволоки.

Он обернулся, собираясь выкрикнуть предупреждение, когда вся комната взорвалась.

— ТУПИК, — ЗАЯВИЛ брат Гонорий, стоя возле кучи нагроможденных гравимобилей и маг-трамваев.

Цу'ган вместе с «Наковальной» покинули догорающие руины гидропонной фермы и двинулись в город. Направляемые братом Аргосом, они шли бесчисленными авеню городского лабиринта, пока не достигли узкого прохода, созданного высокими жилыми блоками и нависающими башнями-уровнями. Пройдя сотню метров и обогнув поворот, они обнаружили, что дальнейший путь был перекрыт.

— Мы прожжем себе дорогу, — сказал Цу'ган, собираясь приказать опустошителям сержанта Ул'шана выйти вперед.

— Мультимельты должны бы вскоре...

— Подожди... — сказал Цу'ган, осматривая возвышавшиеся над ними высотные здания. — Быстро назад, мы найдем другой путь.

На противоположном конце дорожки в поле зрения возникла огромная погрузочная машина, отрезав путь к отступлению. Сначала медленно, а потом все сильнее разгоняясь, она загрохотала колесами, двигаясь по направлению к Саламандрам.

— Мультимельты! Уничтожить ее!

Сержант Ул'шан развернул отделение навстречу атакующей машине, и в то же время из укрытий в верхних квартирах появились тяжеловооруженные расчеты культистов, отчего аллея наполнилась орудийным огнем.

— БУДЬТЕ НАЧЕКУ, — ПРОШИПЕЛ капитан Кадай.

«Адская Стража», вместе с опустошителями Омкара рассредоточились по улице в выжидательных позициях. Опасность была везде — в каждом окне, в каждом алькове или темном угле мог засесть враг.

Кадай перевел взгляд обратно на Фугиса, который, пригнув голову, торопился к отдаленной огневой позиции. Стратоский солдат лежал у обложенной мешками с песком стены, живой, но едва ли способный двигаться. Кадай наблюдал за тем, как он уже третий раз бессильно ударил рукой оземь, подавая сигнал о помощи.

Что-то в этом казалось неправильным.

Движения солдата казались слабыми, но будто бы не по его воле.

Внезапно его начала одолевать тревога, и Кадай понял, что это была западня.

— Фугис, стоять! — закричал он в устройство связи.

— Я почти там, капитан...

— Апотекарий, подчиняйся моим при...

Взметнувшийся из позиции ревуший огненный шар оборвал Кадаю на полуслове. Фугиса отбросило ударной волной, тела мертвых стратосцев взлетели вместе с ним подобно сломанным куклам. Дорогу

разорвала цепочка взрывов, разламывая рокрит, и целый ее участок развалился на части и обрушился, создавая огромную пропасть.

Кадай, сбитый с ног мощным взрывом, все еще пытался подняться на ноги и избавиться от чувства дезориентации, когда увидел лежавшего на животе Фугиса с потемневшими от огня доспехами, который цеплялся за край созданного взрывом кратера. Кадай закричал, когда аптекарий потерял хватку и скользнул в зияющую черную бездну подбрюшья Кирриона, исчезая из вида.

Из скрытых мраком городских переулков в ночь потекли культисты, и началась стрельба...

КОГДА ДАК'ИР отошел от последствий взрыва, то увидел бежавших сквозь оседавшую пыль и дым фигуры.

Прямо над ним возник один из повстанцев. Его рот был зашит черной проволокой, на щеках вздулись голубые вены. С наполненными рвением глазами культист опустил кирку на доспехи космического десантника. От удара крошечное оружие разлетелось на части.

— Саламандры, — взревел Дак'ир, собирая отделение, и разнес лицо культиста бронированным кулаком. Он поднял цепной меч, вылетевший из рук при взрыве, и выпотрошил еще троих повстанцев, бросившихся на него с дубинками и ножами. Потянувшись к плазменному пистолету, он резко остановился. Атмосферные показатели в его боевом шлеме указывали на высокую концентрацию водорода; воздух внутри купола был перенасыщен им.

Стоявший слева от Дак'ира Ба'кен поднимал тяжелый огнемет, собираясь испепелить выплеснувшуюся в зал огромную волну культистов...

— Подо...

— Очищай и сжигай!

Как только зажигательная смесь попала в воздух, оружие взорвалось. Ба'кена захлестнуло белым огнем и отбросило сквозь рокритовую стену в соседний зал, где он и остался лежать, не подавая признаков жизни.

— Брат пал! — проорал Дак'ир, брат Эмек открыл из болтера огонь на подавление, идя вперед и уничтожая культистов подобно мешкам с мясом.

Еще больше повстанцев продолжало вливаться внутрь неослабевающим потоком, по-видимому, совершенно не опасаясь бури болтерных снарядов. Кайла и ножи уступили место тяжелым стабберам и автопушкам, и Дак'ир понял, чем на самом деле была первая волна — живым щитом. С другого боку от сержанта возник еще один Саламандра — брат Ак'сор. Он готовил огнемет, когда Дак'ир прокричал в устройство связи.

— Уберите все огнеметы и мельты... Воздух наполнен газообразной водородной смесью. Только болтеры и вспомогательное оружие.

Саламандры тут же повиновались.

Культисты двигались теперь плотной толпой, паля из ручного оружия, пока готовилось тяжелое оружие. Дак'ир снес голову одному из повстанцев и ударил кулаком в грудь другого.

— Сдерживайте их, — отрывисто сказал он, вытягивая окровавленный кулак.

Ак'сор достал болт-пистолет. По его доспехам забарабанили пули, когда он в ярости уничтожил толпу культистов с автоганами. Тяжелые орудия открыли огонь, наполнив комнату приглушенными звуками выстрелов, и Ак'сор пошатнулся, когда в него попало несколько снарядов. Откуда-то из толпы просвистела реактивная граната, и Ак'сора накрыло разлетающимися осколками. Когда дым рассеялся, Саламандра лежал на полу.

— Всем Саламандрам, отходим в вестибюль, — закричал Дак'ир, от его доспехов срикошетила пуля, когда он зарубил очередного попавшего в пределы его досягаемости культиста.

Астартес тут же начали отступление, два брата ушли вперед, чтобы вынести из боя Ба'кена и Ак'сора. Когда отделение Дак'ира достигло ступеней и начало спускаться, на их место встал сержант Лок. Из-за взрывоопасного водородного газа, у «Испепелителей» оставался всего один тяжелый болтер, из которого они начали обстреливать дверной проем, длинными очередями разрывая культистов на части.

Это была небольшая отсрочка, ведь враг использовал свое преимущество — психопаты с защитными ртами кучами бросались под яростный огонь. Брат Йоннес использовал ленточный питатель своего тяжелого болтера не жалея, братья Саламандры добавили к заградительному огню собственное оружие, но культисты продолжали напирать. Они шли подобно автоматам, без криков и паники, судьбы их разорванных братьев не давали им возможности остановиться, не говоря уж о бегстве.

— Их не сломить! — крикнул Лок, размазывая повстанца силовым кулаком, одновременно стреляя из болтера. Цепная пила врезалась в его руку казалось бы из ниоткуда, и он скривился, выронив из обессилевших пальцев оружие. Сквозь толпу с огромными двуручными цепными мечами двигались красноглазые жрецы-свежевальщики. Дак'ир ударом проломил череп фанатику, но понял, что их медленно окружают.

— Назад к входу, — закричал он, подняв упавший болтер Лока и расстреляв все, что находилось слева от себя. Убитые им даже не закричали. Саламандры мучительно отступали шаг за шагом. Теперь враги выпускали настоящий град пуль, их количество казалось бесконечным, и в то же время они прибывали со всех направлений.

В устройстве связи царил хаос. От «Наковальни» и «Молота» приходили отрывистые доклады, искаженные статическими помехами.

— Большие потери... подходит вражеская бронетехника... их тысячи... брат пал!

— Капитан Кадай... — проорал Дак'ир в вокс. — Брат-капитан, «Пламя» на связи. Пожалуйста, ответьте.

Минуту спустя, к нему вернулся плохо слышимый голос Кадая.

— Кадай... связи... отступить... перегруппировку... площади Аереона...

— Капитан, у двух моих братьев тяжелые ранения, они нуждаются в медицинской помощи.

Прошло еще тридцать секунд, прежде чем пришел запинаящийся ответ.

— Аптекарий... погиб... Повторяю... Фугис пропал...

Пропал. Не ранен или убит, просто пропал. Дак'ир почувствовал, как в груди вздымается шар горячей боли. Стоическая решительность перевесила гнев, и он отдал приказ с боем отступить к площади

Аереона, а затем по устройству связи связался с Цу'ганом.

— КРОВЬ ВУЛКАНА! Я не отступлю перед этим отребьем, — прорычал Цу'ган Ягону. — Скажи игнейцу, что я не получал подобных приказов.

«Наковальня», под стальным командованием Цу'гана, вырвалась из засады без потерь, хотя брат Гонорий сильно прихрамывал, а сержант Ул'шан потерял глаз, когда взорвались бочки с зажигательной смесью, загруженные на борт погрузочной машины.

Без помощи мультимельт, Цу'гану пришлось самому прорываться сквозь обломки транспорта, выкашивая из комби-болтера находившихся по ту сторону культистов. Они отступали к защищенным позициям на широкой улице, когда пришло сообщение Дак'ира.

В какой-то момент боя Цу'гану повредили боевой шлем, и ему пришлось сорвать его с себя. С тех пор по части связи с другими штурмовыми группами он полагался на Ягона.

— Мы Саламандры, рожденные в огне, — фанатично орал он, — наковальня, о которую разобьются наши враги. Мы не сдадимся. Никогда!

Ягон покорно передал отказ сержанта повиноваться.

По улице, грохоча гусеницами, к ним двигалось что-то громкое и тяжелое. Цу'ган на мгновение сбился с шага, когда в поле зрения возник танк, увешанный бронированными пластинами и измазанный символом «Культы Правды» — разверзнувшейся утробы. Развернув приплюснутую металлическую башню, танк выстрелил из основного орудия, выпустив из дула дым и откатившись на гусеницах.

Цу'ган выстроил воинов в оборонительный боевой порядок, обстреливая надвигающиеся орды культистов короткими болтерными очередями. Танковый снаряд влетел со всей силой удара молнии, разрывая неплотный строй. Саламандры разлетелись в стороны вперемешку с выбитыми из дороги кусками рокрита, и рухнули подобно обломкам.

— Сомкнуть ряды. Держать позиции, — проревел Цу'ган, пригнувшись за частично разрушенной баррикадой, которую когда-то занимал авиакорпус Стратоса.

Ягон спихнул одно из тел, так, чтобы он смог установить болтер на импровизированном стрелковом выступе.

— Капитан пока не отвечает, — сказал он в перерыве между взрывами.

Цу'ган отреагировал на вести без эмоций, его лицо превратилось в безрадостную маску.

— Ул'шан, — рявкнул он сержанту опустошителей, — сконцентрировать весь огонь на танке. Во имя Вулкана, уничтожь его.

Болтерные снаряды врезались в неумолимо надвигающуюся машину, которая готовилась к еще одному выстрелу из основного орудия. Сидевший в башне сумасшедший культист схватил тяжелый стаббер и начал поливать Саламандр длинными очередями.

— Остальные, — крикнул Цу'ган, поднимаясь и что-то отцепляя с пояса, — гранаты.

Верхним броском он метнул противотанковую гранату. Брошенная изо всех сил, она быстро взмыла в

воздух и упала на пути у танка. За ней последовало несколько других, кладавших о землю подобно металлическому дождю.

В то же время, Ягон расстрелял культиста в стабберном гнезде, пока воины с тяжелыми болтерами под командованием сержанта Ул'шана обстреливали лобовую броню и гусеницы танка. Один из разрывных снарядов зацепил упавшую гранату, когда на нее наехала бронированная машина. Цепная реакция взрывов гранат разорвала танк, и зажигательные снаряды снесли ему крышу.

— Слава Прометею! — взревел Цу'ган, воздев кулак вверх, и воины хором повторили за ним.

Его радость омрачилась, когда он увидел движущиеся сквозь дым и падающие обломки тени. В поле зрения выкатилось еще три танка.

Цу'ган в неверии затряс головой.

— Милосердие Вулкана... — выдохнул он, когда восстановился канал связи с капитаном Кадаем. Сержант посмотрел на Ягона твердым железным взглядом.

— Они отступают на площадь Аереона.

Дак'ир был прав. Челюсти Цу'гана сжались.

— ДЕРЖАТЬ СТРОЙ! — проревел Кадай в устройство связи. — Здесь наша последняя линия обороны.

Саламандры стойко удерживали позиции, выстроившись за искореженными укреплениями и стреляя выверенными очередями. Позади них стояли бронированные транспорты. На турелях «Носорогов» содрогались штурм-болтеры, а спаренная штурмовая пушка «Огненной Наковальни» со свистом поливала противника огнем, тогда как боковые спонсоны «Лэндрейдера» с огнеметными пушками "Огненная буря" бездействовали.

Саламандры быстро собрались на площади Аереона, отступление с боем трех штурмовых групп проходило с меньшими предосторожностями, чем их начальная атака.

Потемневший от огня плиточный пол площади был покрыт воронками от взрывов. Рухнувшие колонны с соседних домов устлали весь ее периметр. В центре широкой площади, окруженной поврежденной стеной периметра, доминировала поваленная статуя одного из имперских лидеров Стратоса. Кадай и его воины решили обороняться именно здесь.

Культисты валили толпами, невзирая на ураганный огонь, выходя из каждой авеню и алькова подобно адским муравьям. Сотни их погибли всего за пару минут. Но, несмотря на ужасающие потери, они не испугались и медленно продвигались по огневому мешку. Трупы кучами скапливались на краю площади.

— Никто не должен пройти, Огненнорожденные! — орал Кадай, яростный фанатизм Вулкана, его прародителя, наполнял капитана праведной целеустремленностью. «Терпеть» было одним из главных принципов Прометеева Культа, «терпеть и завоевывать». Ураганы пуль пересекались на все больше сокращавшейся дистанции, когда тысячи культистов поливали интенсивным огнем оборонительные позиции Саламандр. Куски стены периметра, вместе с массивными секциями упавшей статуи, были разнесены на куски в круговороте битвы.

Брат Зо'тан получил пулю в правый наплечник, затем еще одну в шею, и с кряхтением рухнул на колени. Дак'ир двинулся, чтобы прикрыть его, отчего доспехи содрогнулись, и он начал палить из одолженного

болтера. Тела повстанцев уничтожались в яростном заградительном огне, разлетались на куски разрывными снарядами, четвертовались залпами тяжелых болтеров, кромсались опустошительным ливнем пуль из раскаленных штурмовых пушек.

И все же культисты продолжали идти.

Скрежеща зубами, Дак'ир проревел.

— Не отступать!

Медленно, неизбежно, орда начала редеть. Кадай приказал остановить продолжительный заградительный огонь. Подобно дыму, рассеивающемуся от потушенного костра, культисты молчаливо отступали во мрак, пока совсем не исчезли из виду.

На сей раз упорство Саламандр смогло сдержать врага. Площадь Аереона осталась в их руках.

— Они сдаются? — спросил Дак'ир, делая глубокие вдохи, чтобы выйти из сверхобостренного боевого состояния.

— Они ползут обратно в свои гнезда, — прорычал Кадай. Его челюсть сжалась в бессильном гневе. — Город их... пока.

Выйдя из-за оборонительного порядка, Кадай быстро выставил часовых для слежения за подходами к площади, одновременно связываясь с технодесантником Аргосом, чтобы вызвать подкрепление с «Гнева Вулкана», а также — «Громовой Ястреб» для транспортировки погибших и раненых. Потери были намного больше, чем он ожидал. Четырнадцать раненых и шесть погибших. Наиболее остро ощущалась потеря Фугиса.

Саламандры были малочисленным орденом, их практически полное уничтожение во время одного из худших злодеяний Ереси, когда они были преданы своими бывшими братьями, чувствовалось даже спустя десять тысячелетий. Тогда они были Легионом, теперь же их было всего восемьсот Астартес. Прием рекрутов был медленным, что только усугубляло низкую боевую мощь ордена.

Без аптекаря и его огромных медицинских навыков, наиболее серьезно раненные из Третьей Роты Кадая остались бы без помощи, что в дальнейшем снизит их боевую эффективность. Что еще хуже, генетическое семя погибших в бою осталось бы не собранным, потому что только Фугис обладал знанием и способностью безопасного извлечения этих прогеноидов. Именно через эти органы и проектировалось будущее космических десантников, позволяя поверженным воинам служить ордену даже в смерти.

Понесенные Третьей Ротой потери затем станут постоянными с потерей аптекаря — мрачное событие, повергавшее Кадая в дурное настроение.

— Как только придут подкрепления, мы пойдем на новый приступ города, — бушевал он.

— Нам следует обрушить на них всю мощь роты. Тогда эти еретики сломаются, — заявил Цу'ган, сжимая кулак, чтобы подчеркнуть свою страстность.

Он и Дак'ир сопровождал Кадая с линии фронта, оставив там сержанта-ветерана Н'келна для организации войск. Капитан отстегнул боевой шлем, чтобы снять его. Белый гребень волос Кадая был влажным от пота. Его глаза горячо пылали, излучая гнев.

— Да, они узнают, что Саламандры легко не сдаются.

Цу'ган дико усмехнулся на это.

Дак'ир думал только о братьях, которые были уже потеряны, и о тех, которым предстоит погибнуть в следующем упрямом штурме. Предатели закрепились, и их было очень много — без огнеметов, чтобы выбивать их из засад и других ловушек, захват Кирриона станет тяжелым делом.

Затем произошло нечто, что в корне изменило воинственные планы капитана относительно мести. В дальнем конце площади Аереона сквозь дым и пыль начали выходить фигуры. Они вылезали из укрытий и с опущенными от отчаяния плечами волочили ноги к Саламандрам.

Глаза Дак'ира расширились, когда он увидел, сколь много их там было.

— Выжившие... гражданские Кирриона.

— ОТКРОЙ ЕГО, — проскрежетал драконий гигант. По его чешуйчатым доспехам текли жуткие энергии, отбрасывая во мрак резкие вспышки света. Он и его воины достигли подземного металлического зала, заканчивающегося огромным порталом из тяжелой пласталы.

Вперед вышел еще один великан, носящий пластинчатые доспехи из красной чешуи. Из воздухораспределительной решетки в его рогатом шлеме текли струйки дыма. Тишина внешнего хранилища была нарушена шипящим потрескивающим вздохом прежде, чем рогатый воин выпустил яростную струю пламени. Она с диким ревом вырвалась из пластинчатой решетки, поглотив двери хранилища.

Укрепленные пласталевые двери за секунды потемнели и начали таять, слои плавящегося керамика стекали, прежде чем алмазиевая пластина двери сама не запылала раскалено-белым светом и превратилась в расплавленный шлак. Воины быстро прошли через туннель для маг-трамваев, сильно углубившись в незнакомые коридоры Кирриона. Никто не видел их приближения. Их лидер убедился, что после ранней бойни свидетелей не осталось. После почти часа пути, они достигли своего назначения. Сюда, в подземелья города, не могли проникнуть облака водородного газа. Они были далеки от поля боя, и продолжающиеся в отдаленных районах Кирриона сражения казались приглушенными и далекими сквозь многие слои рокрита и металла.

— Оно здесь? — спросил третий воин, когда рваный проход в хранилище остыл, его голос был подобен потрескивающей магме. Внутри находились сотни крошечных сейфов, в которых аристократия Стратоса могла хранить то, что считала наиболее драгоценным. Никто не мог знать об артефакте, безвредно лежавшем в одном из этих ящиков. Даже увидев его, немногие бы поняли, для чего он был нужен и какими ужасными разрушительными силами обладает.

— О да... — ответил жуткий воин, закрывая алые веки и потянувшись к своей силе. — Оно именно там, где он и говорил.

МАССЫ ОТЧАЯВШИХСЯ ВЗЛОХМАЧЕННЫХ стратосцев тащились на площадь Аереона.

На большинстве из них висели лохмотья, остатки одежды, которая была на них, когда культисты взяли город. Некоторые сжимали разодранные лоскуты опаленных пожитков как последнее напоминание об их прошлой жизни в Киррионе, теперь бывшее не более чем пеплом. Многие прикрывали лица полосами

грязной ткани или рваными шарфами, чтобы уберечься от удушающих водородных газов. Еще у одних были изношенные респираторы, которыми они делились с другими; маленькие группки по очереди надевали кислородные маски. Водород не настолько вредил Саламандрам, их мультилегкие и оолитические почки работали совместно для отделения и откачки токсинов, таким образом позволяя им нормально дышать.

— Весь город парализован ужасом... — сказал Ба'кен, когда из его лица вынули очередной кусочек осколка. Опершегося на стену периметра могучего Саламандру проверял брат Эмек, у которого были начальные познания в полевой хирургии. Боевой шлем Ба'кена был уничтожен при взрыве, как и его любимый тяжелый огнемет. Когда воина отбросило сквозь стену, ее куски впились ему в плоть.

— Это всего лишь первые из них, — ответил Дак'ир, с жалостью наблюдая за устало бредущими выжившими людьми, проходившими мимо часовых Саламандр.

Площадь Аереона постепенно заполнялась. Дак'ир смотрел вслед несчастным беднякам, которых стратоский авиакорпус плотной толпой уводил к воротам Кириона. Отсюда ему были видны работающие на холостых оборотах машины бронетанкового батальона, готовые к транспортировке выживших через небесный мост в относительно безопасный Нимбарос. Забрали уже почти сто человек, но еще больше сгрудилось на площади, пока солдаты авиакорпуса пытались навести порядок.

— Зачем показываться именно сейчас? — спросил Ба'кен, кивнув Эмеку, который вынул все выступающие осколки и теперь собирался уходить. Раны уже заживали — клетки Ларрамана в крови Ба'кена ускоряли свертывание и рубцевание, и вживленная в мозг оссмодула способствовала быстрому срастанию костей и регенерации.

Дак'ир пожал плечами.

— Полагаю, что отступление врага для закрепления на уже захваченных землях одновременно с нашим прибытием, должно быть оживило их. Заставило потянуться к спасению.

— Мрачное зрелище.

— Да... — согласился Дак'ир, внезапно потеряв ход мыслей. Война на Стратосе обрела теперь абсолютно новое обличье — не то, что связано проволокой и обезображено заразой, но то, что молит об избавлении, которое отдало все, что можно было отдать, лицо, бывшее обычным, невинным и напуганным. Насмотревшись на плетущихся мимо несчастных людей, сержант осмотрел остальную часть лагеря.

Стена периметра формировала своего рода пограничную линию, отделявшую территорию Саламандр от земель, удерживаемых «Культом Правды». Кадай был непреклонен насчет того, что они будут держать оборону именно здесь. Пара орудий «Громовой огонь» патрулировали периметр на лязгающих гусеницах, их сервомоторы жужжали, когда технодесантники прогоняли пушки в разных режимах стрельбы.

Брат Аргос прибыл на площадь в течение часа, приведя с собою артиллерию и братьев технодесантников.

Больше подкрепления уже не будет.

В верхней атмосфере Стратоса бушевали свирепые бури, вызванные насаиванием низкого термального давления, исходящего из богатых хлором океанов. Спуститься с помощью «Громовых Ястребов» не представлялось возможным, и на всех внепланетных системах связи царили сильные помехи. Кадай и

Саламандры, предпринявшие начальную планетарную высадку, теперь остались одни — факт, который все они приняли стоически. Их количества должно было быть достаточно.

— Сколько наших павших братьев уйдет в долгую тьму? — оторвал Дак'ира от размышлений голос Ба'кена. Большой Саламандра смотрел на медконтейнеры с мертвыми и тяжелоранеными, рядами расположенные в дальнем конце стены периметра.

— Надеюсь, меня не постигнет подобная участь... — шепотом признался он. — Быть погребенным в дредноуте. Существовать без ощущений, с поблекшим вокруг меня миром, вечно пребывая в холодном саркофаге. Пусть лучше бы меня унесли огни битвы.

— Служить ордену вечно — большая честь, Ба'кен, — сделал замечание Дак'ир, хотя его упрек был мягким.

— В любом случае, нам неизвестно, что с ними станет, — добавил он, — кроме мертвых...

Павшие воины Третьей Роты ожидали транспортировки в Нимбарос. На борту "Огненной виверны" они будут в безопасности, пока не стихнут бури, и «Громовой Ястреб» сможет вернуться на «Гнев Вулкана», где их погребут в пиреуме ударного крейсера.

После удаления прогеноидов погибшие Саламандры в полном боевом облачении сжигались в пиреуме, а их прах использовался в ритуале Прометея для почтения героической смерти и вдохновения живущих. Подобные действия всегда проводились капелланом, но из-за того, что в этот раз Элизия не было вместе с ротой, пепел должен был находиться в крематории ударного крейсера до тех пор, пока он не присоединится к ним, или они не вернутся на НоктюРН. Такие болезненные мысли неизбежно приводили к Фугису и его несвоевременной кончине.

— Я говорил с ним до начала задания, как раз перед его гибелью, — сказал Дак'ир, устремив взгляд вдаль.

— С кем?

— С Фугисом. В келье уединения на борту «Гнева Вулкана».

Ба'кен встал и потянулся к наплечнику, разминая затекшие спину и плечи. Левый наплечник Ба'кена был снят, чтобы брат Эмек смог вправить ему вывихнутое плечо.

— Что он сказал? — спросил Астартес, опытными движениями прикрепляя броню на место.

Не все из нас хотят вернуться обратно. Не все из нас могут вернуться обратно.

— То, чего я никогда не забуду...

Дак'ир медленно покачал головой, устремив взгляд во тьму за пределами площади Аереона.

— Не думаю, что мы здесь одни, Ба'кен, — наконец сказал он.

— Ясно, что нет — мы воюем здесь со многими тысячами врагов.

— Нет... кроме них, здесь есть что-то еще.

Ба'кен нахмурился.

— И что же это, брат?

Голос Дак'ира стал твердым как камень.

— Нечто худшее.

ДЕСАНТНЫЙ ОТСЕК "Огненной наковальни" озарял яркий свет, когда Дак'ир вошел в «Лэндрейдер». Вращающаяся посреди отсека схема отбрасывала резкий синий свет, освещая металлическое помещение и собравшихся в нем воинов Астартес. Четыре присутствующих Саламандры уже сняли боевые шлемы. Их глаза тепло горели в полумраке в противоположность холодному свету гололита, изображавшего Киррион.

Вызванный сюда Кадаем, Дак'ир оставил Ба'кена у стены периметра, чтобы тот смог перевооружиться и подготовиться к следующему приступу Кирриона.

— Наши дела пошли намного хуже без огнеметов и мельт, — сказал Кадай, вместе с Н'келном кивая зашедшему Дак'иру.

Цу'ган не снизошел до подобного дружелюбия и слегка нахмурился.

— В тактическом плане мы можем удерживать площадь Аереона почти бесконечно, — продолжил Кадай.
— Орудия «Громовой огонь» укрепят нашу полосу обороны даже без подкреплений с «Гнева Вулкана» для компенсации потерь в личном составе. Однако более глубокое проникновение в город будет очень сложным.

Невозможность получить подкрепление была тяжелым ударом, и Кадай сильно рассердился из-за этих новостей. Но сидевший в нем твердый, как гранит, дух прагматизма, уверенности в собственных силах и самопожертвования пересилил, и таким образом он полностью сосредоточился на текущем задании, оперируя только теми силами, которые были у него в наличии. В ответ на понесенные потери Кадай объединил три группы опустошителей в два отделения под командованием Лока и Омкара, а команда раненного Ул'шана попала в подчинение двум другим сержантам. Без подкрепления, тактические отделения должны будут просто выдержать возможные потери.

— После смерти Фугиса я не собираюсь рисковать еще большим количеством боевых братьев, — сказал Кадай, залегшие на лице тени заставляли его казаться обеспокоенным. — Еретики укрепились и хорошо вооружены. Нас мало. Это едва ли было бы помехой, если бы мы могли использовать огнеметы, но, к сожалению, это не так.

— Есть какой-либо способ очистить воздух? — спросил Н'келн. Он хрипел от раны в груди, полученной во время отступления к площади Аереона. Н'келн был крепким, надежным воином, хотя у него не было задатков лидера и отсутствовала хитрость, необходимая вышестоящим командирам. И все же, он каждый раз доказывал свою отвагу, и в этом его нельзя было упрекнуть. Это был очевидный и нужный вопрос.

В отраженный свет схемы ступил брат Аргос.

Технодесантник был без шлема. Левая часть его лица была закрыта стальной пластиной с выжженным на ней, подобно почетному шраму, изображением рычащей саламандры. Огненные отметины жрецов-клеймовщиков изгибами и лентами вились по его коже. Бионический глаз холодно светился в противовес его собственному, горящему красным. Из гладкого черепа, подобно стальным опухолям, выступали раздвоенные разъемы, и провода, извиваясь у его шеи, вели в нос.

Его голос был глубоким, резким и звенящим.

— Водородные выбросы, которые контролируются атмосферными процессорами Кирриона, являются газообразной смесью, которая используется для наполнения оболочки стратоских дирижаблей. Это менее летучее соединение и причина, по которой наши болтеры все еще нормально функционируют. Хотя мне и удалось получить доступ к некоторым внутренним системам города, я совершенно не разбираюсь в этих процессорах. Для этого потребуется местный инженер, кто-то, кто обслуживал систему первоначально. К сожалению, мы не в состоянии найти кого-либо с нужными навыками среди выживших или тех, кто все еще в городской западне, — Аргос помедлил. — Мне жаль, братья, но любое использование зажигательного оружия в пределах города будет катастрофическим.

— Одно нам известно наверняка, — продолжил Кадай, — появление выживших гражданских сильно препятствует любому массивному наступлению. Я не буду напрасно подвергать опасности невинные жизни.

Цу'ган покачал головой.

— Со всем уважением, брат-капитан, но если мы не будем действовать, косвенный ущерб будет намного худшим. Единственный наш шанс состоит в том, чтобы провести мощную атаку на Киррион и взять его. Повстанцы не будут ожидать столь смелого маневра.

— Мы не неуязвимы для вражеского оружия, — возразил Дак'ир. — С подобным планом ты рискуешь не только стратосцами. Что насчет моих боевых братьев? Их служение окончилось смертью. Ты хочешь увеличить их число? Для подобного маневра у нас слишком мало сил.

Лицо Цу'гана исказил гнев.

— Сыны Вулкана! — воскликнул он, ударив ладонями по нагруднику силовых доспехов.

— Огненнорожденные, — добавил он, сжимая кулак, — вот кто мы такие. «На Наковальню Войны» — таков наш девиз. Мне не страшны сражения и смерть, даже если для тебя это не так, игнеец.

— Я ничего не боюсь, — прорычал Дак'ир. — Но я также не брошу своих братьев в самое горнило без веской на то причины.

— Хватит! — голос капитана немедленно привлек внимание препирающихся сержантов. Кадай впился в них взглядом, его глаза пылали гневом от подобной непочтительности к боевому брату.

— Заканчивайте с этой враждой, — предупредил он, остывая. — Я не потерплю подобного. У нас уже есть противник.

Сержанты примирительно склонили головы, продолжая, тем не менее, бросать друг на друга злые взгляды.

— Массивного наступления не будет, — подтвердил Кадай.

— Но это не значит, что мы будем бездействовать. Эти еретики целеустремленны до безумия, ведомые некой внешней силой. Никакая идеология, даже наиболее фанатичная, не могла довести их до такого... бешенства, — добавил он, повторяя высказанную Фугисом теорию. Уголок рта Кадаи скривился при коротком воспоминании. — Верховный жрец культа, этот Говорящий — вот ключ к победе на Стратосе.

— Убийство лидера, — заявил Цу'ган, одобрительно сжав кулаки.

Кадай кивнул.

— Брат Аргос обнаружил структуру в центре храмового района под названием Аура Иерон. По словам разведки полковника Тонхаузера, демагог находится там. Мы сделаем это, — капитан обвел взглядом все помещение. — Два боевых отделения опустошителей останутся здесь с братом Аргосом, который, как и раньше, будет направлять нас. Это небольшое соединение вместе с орудиями «Громовой огонь» будет удерживать площадь Аереона и защищать появляющихся выживших.

Цу'ган нахмурился.

— Площадь Аереона похожа скорее на лагерь для беженцев. Авиакорпус не сможет транспортировать людей достаточно быстро. Они только будет нам мешать. Наше задание состоит в том, чтобы сокрушить орду и освободить это место от ужаса. Как нам удастся сделать это, если мы разделим силы, защищая людей? Нам следует взять с собою всех боевых братьев, каких только возможно.

Кадай наклонился вперед. Его глаза походили на пламенеющие угли, которые, казалось, разгоняли холодный свет гололита.

— Я не брошу их, Цу'ган. Мы не Злобные Десантники или Терзатели Плоти, как и не любые другие из наших кровопролитных братьев. Саламандры той породы, которой им следует по праву гордиться. Мы будем защищать невинных, даже если...

«Огненную Наковальню» встряхнуло от внезапного толчка, и ее бронированный корпус завибрировал от приглушенного взрыва, раздавшегося снаружи.

Брат Аргос немедленно опустил рампу, и Саламандры бросились наружу, чтобы узнать, что произошло.

Огонь и дым окружали потемневший кратер посреди площади Аереона. В нем лежали искореженные трупы нескольких стратоских жителей вместе с множеством солдат авиакорпуса, чьи тела были изломаны взрывом бомбы. В другом конце площади закричала женщина. Она упала, пытаясь убежать от еще одного беженца, почему-то сжимавшего в руке осколочную гранату.

Цу'ган практически мгновенно вскинул комби-болтер и выстрелил человеку в грудь. Граната выпала из рук повстанца и взорвалась.

Бегущую женщину и еще нескольких других поглотила взрывная волна. Крик стал сильнее.

Кадай выкрикивал приказы, пока сержанты вместе со своими отделениями пытались подавить внезапную панику.

В группы выживших людей проникло несколько культистов, намереваясь породить анархию и массовые разрушения. Они в этом преуспели. Респираторные маски отлично скрывали их «недостатки», позволяя проходить мимо стратоских солдат и даже Астартес.

Ко'тан Кадай стоял на коленях, держа в руках изломанное тело женщины. Он побежал к ней, когда дым все еще рассеивался после взрыва. Она выглядела хрупкой и худой по сравнению с массивным телом Астартес, ее уцелевшие кости, казалось, были готовы сломаться от его легчайшего прикосновения. И все же они не ломались. Он держал ее нежно, будто отец, баюкающий своего ребенка. Она находилась в сознании еще несколько секунд, ее глаза были наполнены страхом, изо рта текла кровь от обширной внутренней травмы.

— Брат капитан? — отважился спросить Н'келн, появившись возле него.

Кадай осторожно положил мертвую женщину и встал во весь рост. Его глаза сузились до багровых щелок, ужас из них отступил, сменившись яростью.

— Два боевых отделения, — произнес капитан, найдя железным взглядом Цу'гана, который находился достаточно близко, чтобы услышать его, но мудро решил не выказывать недовольства. — Обыскивать каждого... каждого!

— Теперь ясно, почему люди вышли из укрытий. Культисты именно этого от них и хотели, чтобы воплотить в жизнь свой план... — Ба'кен тихо сказал Дак'иру, пока они наблюдали за происходящим.

Кадай прикоснулся к лицу и будто бы впервые заметил на пальцах кровь.

— Все что нам нужно, так это доставить истребительную группу достаточно близко к Говорящему, чтобы казнить его, и решительность культистов исчезнет, — пообещал он. — Мы выдвигаемся немедленно.

ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ, наполненных колючей проволокой, «волчьими ямами» и частично уничтоженными улицами. Отряды убийц культистов раскапывали руины в поисках выживших людей для пыток; прячущиеся в альковах смертники, сжимающие дрожащими пальцами чеки гранат; жрецы-свежевальщики, ведущие за собою толпы людей с защитными ртами. Это был наиболее выгодный маршрут, который нашел технадесантник Аргос, чтобы его боевые братья сумели добраться до Ауры Иерона.

Пройдя всего лишь два километра по этой адской дороге, после всех прорывов сквозь засады и непрекращающиеся мины-ловушки, Саламандры попали в еще один тупик.

Они стояли перед длинной, но узкой эспланадой из обвалившегося пластикита. Лабиринтообразные противотанковые ёжи были врыты через каждые три-четыре метра, увенчанные мотками колючей проволоки. Большие черные кожухи частично закопанных мин тускло сверкали подобно спинам неких насекомых. Повсюду были вырыты «волчьи ямы», прекрасно скрытые при помощи партизанской смекалки.

Для того, чтобы достичь Ауры Иерона, им придется преодолеть это поле смерти. В его конце располагалась плотная серая линия рокритовых бункеров, укрепленных броневыми плитами. Из боковых щелей постоянно раздавался грохот трассирующих выстрелов, сопровождаемый ритмичной приглушенной стрельбой из тяжелой пушки. Ничейная земля была накрыта огнем, освещавшим мрак в кошмарных черно-белых тонах.

Саламандры были не первыми, кто собирался пройти этим путем. Землю устилала тела стратоских солдат, столь частые и безжизненные, как мешки с песком.

— Окольного пути нет, — доклад Дак'ира о рекогносцировке был кратким после того, как он попытался, хотя и безуспешно, найти другой угол атаки. В столь узком кордоне, где десять космических десантников едва ли смогли бы стать в ряд, боевая эффективность Саламандр была серьезно ограничена.

Капитан Кадай мрачно смотрел на огненный вихрь. «Адская Стража» и опустошители Омкара стояли возле него, ожидая своей очереди оказаться во фронте атаки.

Не более чем в пятидесяти метрах от них, отделение Цу'гана, пригибаясь за группой противотанковых ёжей, вело ответный огонь, тогда как опустошители сержанта Лока обеспечивали им огневую поддержку из тяжелых болтеров. За каждый пройденный метр им приходилось платить кровью, но,

несмотря на то, что у Цу'гана было уже три раненых воина, он решительно намеревался пройти как можно большее расстояние и подойти достаточно близко, чтобы атаковать противотанковыми гранатами.

Линия фронта была растянутой. Они прошли так много, как могли, чтобы не рисковать под огнем тяжелого оружия культистов. Повстанцы были так хорошо защищены, что виделись только как тени, до тех пор, пока их уродливые лица не освещались дульными вспышками.

Кадай носился по всей линии фронта, пытаясь обнаружить слабые места в обороне противника.

— Что ты нашел, сержант? — спросил он.

— На восток и запад тянутся километры непроходимых баррикад и ущелий, — ответил Дак'ир. — Можем ли мы повернуть назад, капитан, и попросить Аргоса найти другой путь?

— Я видел фортификации, возведенные Имперским Кулаками, которые были защищены хуже, — пробормотал себе под нос Кадай, а затем повернулся к Дак'иру. — Нет. Или мы слошим их здесь, или не слошим вообще.

Дак'ир собирался ответить, когда по устройству связи прозвучал голос Цу'гана.

— Капитан, мы можем пройти еще пять метров. Запрашиваю приказ о продвижении.

— Отставить. Возвращайся сюда, сержант, и прикажи Локу удерживать полосу обороны. Нам нужен новый план.

Мимолетная пауза в разговоре показала очевидное недовольство Цу'гана, но его уважение к Кадаю было абсолютным.

— Уже иду, мой повелитель.

— НАМ НУЖНО подобраться достаточно близко, чтобы забросать стену противотанковыми гранатами и пробить в ней брешь, — сказал Цу'ган, вернувшись к тыловой позиции Саламандр. — Решительное фронтальное наступление — единственный шанс сделать это.

— Атака через огневой мешок будет безумием, Цу'ган, — возразил Дак'ир.

— Мы только зря теряем боеприпасы, пока прижаты тут, — спорил Цу'ган. — У тебя есть какие-либо идеи?

— Должен быть другой путь, — настаивал Дак'ир.

— Отступить, — просто сказал Цу'ган, сделав паузу, чтобы все осознали сказанное им. — Хотя я и не желаю этого. Если мы не можем прорваться, значит Кирион потерян. Отступить и вызвать «Огненную виверну». Использовать ее ракеты для уничтожения гравитационных двигателей и сбросить все это адское место в океан.

Капитан был готов согласиться.

— Я обреку на гибель тысячи невинных жизней.

— Но спасете миллионы, — настаивал Цу'ган. — Если мир оказался испорченным настолько, что ему

уже ничем невозможно помочь, или же его захватили враги, то мы уничтожаем его, вырезая это пятно с лика галактики подобно раковой опухоли. С городами дело должно обстоять так же. Стратос можно спасти. Киррион — нет.

— Ты говоришь о массовом убийстве как о чем-то обыкновенном, Цу'ган, — ответил Кадай.

— Такова участь воинов, мой повелитель. Нас создали, чтобы сражаться и убивать, нести порядок во имя Императора.

Голос Кадая стал твердым.

— Мне известна наша цель, сержант. Не позволяй себе рассказывать мне о ней.

Цу'ган смиренно склонил голову.

— Я не хотел оскорбить вас, мой повелитель.

Кадай знал, что Цу'ган был прав, и это его злило. Киррион был потерян. Тяжело вздохнув, он включил устройство связи.

— Нам понадобится брат Аргос, чтобы вторгнуться в зону безопасности Стратоса и взорвать небесные мосты, соединяющие Киррион, иначе он потянет за собою часть прилегающих городов, — в голос сказал он сам себе, прежде чем вернуться к устройству связи.

— Брат Хе'кен.

Пилот «Огненной виверны» вышел на связь. «Громовой Ястреб» стоял на посадочной платформе за пределами Нимбароса.

— Мой повелитель.

— Готовься к скорому вылету и приготовь ракеты «Адский Удар». Мы покидаем город. Ты получишь приказы через...

В боевом шлеме Кадай вновь затрещало устройство связи, обрывая его на полуслове. Из-за критических помех сначала было тяжело различить голос, но когда Кадай узнал его, у него похолодела кровь.

Это был Фугис. Апотекарий выжил.

— ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ я потерял сознание. Очнувшись, понял, что оказался в подуровнях города. Они тянутся приблизительно два километра, достаточно глубоко для размещения массивных подъемных двигателей, — объяснял Фугис со своей обычной желчностью.

— Ты ранен, брат? — спросил Кадай.

На канале воцарилась переплетаемая статикой тишина, и на мгновение он подумал, что вновь потерял апотекария.

— Я получил некоторые повреждения и разбил к тому же боевой шлем. Все это время я пытался починить устройство связи, — наконец вернулся голос Фугиса. В коротких перерывах можно было услышать его дыхание. Оно было прерывистым и неровным. Апотекарий пытался скрыть собственную боль.

— Где ты точно находишься, Фугис? — статические помехи вновь нарушили связь.

— В туннельном комплексе под поверхностью. Но это может быть где угодно.

Кадай повернулся к Дак'иру.

— Свяжись с братом Аргосом. Пусть он зафиксирует сигнал Фугиса и вышлет нам координаты.

Дак'ир кивнул и принялся за дело, пока над головой приглушенно вела обстрел тяжелая пушка.

— Послушай, — сказал Фугис, треск статики усилился, — я не один. Тут есть гражданские лица. Они сбежали сюда с началом атак, и все это время скрывались.

Наступила еще одна короткая пауза, пока аптекарий обдумывал следующую фразу.

— Город еще не наш.

Кадай объяснил ситуацию с водородной газовой смесью на поверхности, о том, как они не могли пользоваться огнеметами и мeltaми, и это все (все это) только осложнялось фактом, что культисты были прекрасно подготовлены и занимали хорошие позиции.

— Выглядит так, будто им известна наша тактика, — заключил он.

— Газ не проник настолько глубоко, — сказал ему Фугис. — Но, возможно, я знаю, как остановить это.

— Как, брат? — спросил Кадай, и его голос наполнился новой надеждой.

— Человеческий инженер. Некоторые из беженцев скрывались от газа так же, как и от самих повстанцев. Его зовут Банен. Если мы выведем его из города и доставим к техnodесантнику, Киррион можно будет очистить, — многозначительная пауза предвещала приближающийся подвох.

— Но этому есть цена, — объяснил Фугис через всплески помех.

Челюсти Кадаи сжались под боевым шлемом.

Всему есть своя цена...

Аптекарий продолжил.

— Для очищения Кирриона от газа весь поступающий воздух должен быть провентилирован. Он будет очень разреженным, и, прежде чем восстановится, многие умрут от удушья. Люди, прячущиеся во внешних пределах города, вдали от теплой зоны активности подъемных двигателей, вероятно, погибнут от холода.

Оптимизм Кадаи быстро угас.

— Чтобы спасти Киррион, мне придется приговорить его жителей.

— Некоторые могут выжить, — сказал Фугис, хотя в его словах не было уверенности.

— В лучшем случае, их останется всего горстка, — заключил Кадай. — Это не выбор.

Вариант с разрушением гравитационных двигателей был достаточно плохим. Этот же был еще худшим. Саламандры, гордившиеся своим человеколюбием, присягнувшие защищать слабых и невинных, просто меняли один геноцид на другой.

Кадай сжал рукоять громового молота. Он был черным, и его навершие было толстым и тяжелым, подобно подручному инструменту кузнеца. Он выковал его в недрах Ноктюрна, где потоки горной лавы освещали ониковую кожу оранжевым светом. Кадай хотел вернуться туда, к наковальне и жару кузницы. Молот был символом. Он походил на оружие, с которым Вулкан впервые встал на защиту своего названного родного мира. В нем Кадай нашел решение, и в свою очередь силу, чтобы сделать то, что должно.

— Мы идем за тобой, брат, — сказал он со стальной решительностью. — Защищай инженера. Пусть он будет готов к транспортировке до нашего прибытия.

— Я буду держаться так долго, как только смогу.

В эфире вновь воцарился белый шум.

Кадай почувствовал, как смирение упало на его плечи подобно тяжелой мантии.

— Брат Аргос зафиксировал сигнал и передал его на ауспекс, — сказал Дак'ир, отвлекая капитана от темных мыслей.

Кадай мрачно кивнул.

— Сержанты, разбиться на боевые отделения. Остальные остаются здесь, — сказал он, вызывая своего заместителя.

— Н'келн, — обратился Кадай к сержанту-ветерану. — Ты возглавишь экспедицию по спасению Фугиса.

В разговор вмешался Цу'ган.

— Мой повелитель?

— Как только мы уйдем, повстанцы почти наверняка отведут отсюда свои силы. Мы не сможем держать их тут, просто стоя на месте, — объяснил Кадай. — Нужно приковать их внимание там, где нам это будет нужно. Я намерен достичь этого, атакуя стену.

— Капитан, это самоубийство, — без обиняков сказал ему Дак'ир.

— Возможно. Но я не могу позволить врагам добраться до Фугиса и человеческого инженера. Его выживание имеет первостепенное значение. Ты знаешь, что Прометеев путь и есть самопожертвование, сержант.

— Со всем уважением, капитан, — сказал Н'келн. — Брат Маликант и я желаем остаться и сражаться вместе с остальными.

Стоявший позади сержанта-ветерана, Маликант, знаменосец роты, торжественно кивнул.

Оба Саламандры были ранены во время неудачной кампании по освобождению Кирриона. Из-за ранения в ногу, полученного во время взрыва на площади Аереона, Маликант тяжело опирался на знамя роты, в то время как Н'келн кривился от боли в раздробленных ребрах.

Кадай разгневался.

— Ты отказываешься повиноваться моим приказам, сержант?

Не смотря на ярость капитана, Н'келн не собирался отступать.

— Да, мой повелитель.

Кадай впился в него взглядом, но когда его гнев прошел, он понял смысл слов Н'келна и обнял сержанта-ветерана за плечо.

— Держись так долго, как сможешь. Продвигайтесь лишь тогда, когда будете вынуждены, и атакуйте быстро. Тогда вы сможете пройти через оружейный огонь без потерь, — сказал ему Кадай. — Своей жертвой вы делаете честь ордену.

Н'келн ударил кулаком о наплечник, а затем вместе с Маликантом пошел на передовую, где уже ждали остальные.

— Это было деяние чести, — сказал он воинам, наблюдавшим за удаляющимися Саламандрами. Они были исключительными воинами. Все его боевые братья были такими. Кадай очень гордился всеми и каждым из них в отдельности. — Фугис ждет. В пламя битвы, братья...

— На наковальню войны, — все как один, ответили они торжественно.

Саламандры уходили, оставляя своих братьев наедине с их судьбой.

ТУННЕЛИ были заброшены.

Ба'кен целился болтером в окружающий мрак, его боевые чувства были сверхобострены от напряжения.

— Слишком тихо...

— Ты бы предпочел сражение? — спросил его Дак'ир по устройству связи.

— Да, — честно ответил Ба'кен.

Сержант был в нескольких метрах впереди, Саламандры шли двумя рядами по обе стороны туннеля. Каждый космический десантник удерживал дистанцию в пару метров (от) впередиидущего боевого брата, чтобы прикрыть его спину и бок в случае засады. Осветители шлемов освещали темные коридоры, создавая воображаемые опасности в собиравшихся тенях.

Саламандры следовали за сигналом аптекаря как за маяком. Сначала он вел их на юг, туда, откуда они пришли, к скрытому входу в подуровни Кирриона. Бесчисленные туннели не были нанесены ни на одну карту города, поэтому Аргосу не было ничего о них известно. Частный комплекс проходов и бункеров принадлежал аристократии Стратоса. Двери в стенах туннелей скользили в сторону с шумом стравливаемого воздуха, и вели в богато убранные комнаты, мебель в которых стояла неповрежденной и покрытой слоем пыли. Открытые настежь укрепленные хранилища никем не охранялись, и находящиеся внутри сокровища лежали нетронутыми. Несколько залов было забито техникой, подключенной к криогенным резервуарам. В неподвижных гелях-растворах внутри них разрастались фиолетовые бактерии. К стеклам резервуаров изнутри прижимались раздувшиеся от гниения разлагающиеся трупы, чье приостановленное существование окончилось, когда прервалось электропитание Кирриона.

Идущий впереди Кадай поднял руку, и Саламандры остановились.

Недалеко от капитана Ягон, стоявший в шаге от Цу'гана, сверился с ауспексом.

— Биопоказатели в пятидесяти метрах впереди, — прошипел он по устройству связи.

Узкое пространство наполнилось звуком передергиваемых затворов болтеров.

Кадай опустил руку, и Саламандры начали медленно передвигаться, смыкая ряды. Они до сих пор не столкнулись с отпором культистов, но это не значило, что его не было.

Дак'ир услышал впереди какое-то движение, похожее на металл, скрежещущий о металл.

— Молот! — выкрикнул из темноты голос, сопровождаемый звуком входящего в казенную часть болтерного заряда.

— Наковальня! — произнес Кадай остальную часть пароля, и опустил пистолет.

В двадцати метрах впереди опирающийся о переборку раненый воин Саламандр медленно опустил вытянутую руку с болт-пистолетом.

Облегчение в голосе Кадая было ощутимым.

— Спокойно. Это Фугис. Мы нашли его.

БАНЕН ВЫШЕЛ ИЗ теней вместе с маленькой группкой выживших. Низкий и невзыскательный, он носил кожаный передник и грязный комбинезон, выпиравший из-за его тучной фигуры. Его измазанную смазкой макушку обрамляла пара очков.

Он не походил на человека, способного уничтожить целый город.

От Кадая не скрылось многозначительность стоявшего перед ним решения, пока он разглядывал человеческого инженера.

— Ты можешь провентилировать атмосферу Кириона и очистить город от газа?

— Д-да, мой повелитель, — из-за заикания человек казался еще более безобидным.

Целясь болтерами наружу, Саламандры сформировали защитный кордон вокруг переборки, где скрывались Фугис и оставшиеся в живых. У аптекаря была сломана нога, но, по крайней мере, он все еще находился в сознании, хотя и не в том состоянии, чтобы сражаться. После обнаружения аптекаря на туннельный комплекс опустилась жуткая тишина, будто сам воздух затаил дыхание.

Кадай уставился на Банена.

Я подпишу смертный приговор тысячам...

— Сопроводите их обратно на площадь Аереона, — сказал он брату Ба'кену. — Начните очищение города так скоро, как это будет возможно.

Ба'кен отдал честь. Саламандры расформировали оборонительное построение, когда столь долго сдерживаемый воздух хлынул обратно.

В нескольких метрах далее по коридору, из люка в крыше выпрыгнул одинокий повстанец, сжимая в тонких пальцах гранату.

В коридоре громко и хрипло взревели болтеры, разорвав культиста на куски. Взорвавшаяся граната разлетелась в огненной буре. Саламандры встретили ее без колебания, прикрывая бронированными телами напуганных людей.

Из темноты впереди них раздались звуки сотен бегущих ног.

— Боевое построение! — выкрикнул Кадай.

Из-за угла появилась толпа хищных повстанцев. Встроенные в стены и крышу люки внезапно открылись, и оттуда потекли культисты, подобно толстым вшам, вылезаящим из трещин.

Кадай взвел пистолет.

— Саламандры! Принесите им смерть!

Расчет культистов подтягивал автопушку. Дак'ир расстрелял их из болтера, прежде чем они успели установить орудие.

— Ягон... — Цу'ган попытался перекрыть бурлящий шум боя.

— Атмосфера в норме, сэр, — ответил воин Саламандр, точно зная, что было на уме у сержанта.

Цу'ган оскалил зубы в дикой улыбке.

— Очищай и сжигай, — прорычал он, и прикрепленный к его комби-болтеру огнемет взревел.

Жидкий прометий воспламенился от контакта с воздухом, извергая в коридор всепожирающую волну огня.

Шен'кар усилил пожарище собственным огнеметом. Пламя испепеляло культистов, превращая их тела в медленно рассыпающиеся тени за отсвечивающим маревом.

Все это длилось едва ли несколько секунд. После того, как пламя, наконец, утихло, на его месте остался лишь дым и обугленные остатки. Были уничтожены десятки повстанцев — от некоторых не осталось ничего, кроме пепла и костей.

— ЯРОСТЬ ОГНЯ принесет Саламандрам победу в этой войне, — сказал Фугис, когда Астартес вновь готовились разделить силы. Апотекария поддерживал Ба'кен, стоявший среди тех, кому предстояло вернуться на площадь Аереона.

Кадай был непреклонен насчет того, что Фугису и людям следовало предоставить всю возможную защиту. Если это означало сильное дробление сил Саламандр, тогда так тому и быть. Капитан будет прокладывать себе дальнейший путь лишь с Цу'ганом, Дак'иром, чемпионом роты Век'шеном и почетным братом Шен'каром в качестве свиты. Остальные возвращались обратно.

— Я уверен в этом, — ответил Кадай, став напротив него. — Но ценой тысяч жизней. Я надеюсь лишь на то, что цена будет достойной этого, старый друг.

— Достойна ли этого любая цена? — спросил Фугис.

Апотекарий больше не говорил о Кирионе. В уме Кадаи вспыхнуло горькое воспоминание, но он тут же подавил его.

— Пришлите весть, что когда достигнете площади Аереона и удалите газ. До тех пор мы будем ждать здесь.

Фугис кивнул, хотя это принесло апотекарию еще немного боли.

— Во имя Вулкана, — сказал он, отдавая воинское приветствие.

Кадай повторил слова, ударив кулаком о нагрудную пластину. Апотекарий бросил на него прощальный утешительный взгляд, прежде чем дать Ба'кену увести себя. Кадаю едва ли было легко от мысли о тысячах безвинных, которые все еще находились в городе, и их незнании того, что с ними скоро должно было произойти — судьба, которую он создал собственными руками.

— Император, прости меня... — тихо прошептал он, смотря вслед уходящим Саламандрам.

НАД ПЛОЩАДЬЮ ВОЗВЫШАЛСЯ остов Ауры Иерона. Когда-то, как и большая часть Кирриона, он был прекрасным в своей строгости — белое серебро, сплавленное с холодным мрамором. Теперь он был храмом бойни. Его стены были покрыты кровью, просачивающейся в трещины искусно созданного мозаичного пола. Бежавшую вокруг обширных границ храма высокую внешнюю стену прерывали упавшие колонны. Установленные в затемненных альковах статуи были обезглавлены или испачканы грязью, портя их бледное бессмертие.

Каменная кладка была измазана грубыми символами, восхваляющими темную славу «Культа Правды». Над растрескавшимся помостом в задней части зала доминировал темный алтарь, преображенный зазубренными клинками и запятнанный кровью. Вырванные из структуры подбрюшья Кирриона металлические перекладки были целиком притащены в храм, оставив на тусклом мраморе рваные следы. С них, в качестве подношений богам Хаоса, свисали почерневшие трупы, останки верных стратосцев. Оскверненная святыня Императора Человечества, Аура Иерон стала теперь приютом разложения, куда поклоняться приходили лишь проклятые.

Нигилан получал удовольствие в унижении храма, рассматривая издали инструменты своей темной воли.

— Нам не стоит оставаться здесь, колдун. Мы получили то, зачем пришли, — из теней проскрежетал голос, отдающий дымом и пеплом.

— У нас здесь двойная цель, Рамлек, — раздражающим мерным тоном ответил Нигилан. — Мы достигли лишь первой части.

Отступник Воин Дракона оглядел окровавленную площадь Ауры Иерона из почерневшей приемной над единственным алтарем. Он с интересом наблюдал за Говорящим, обманывающим и убеждающим массы культистов, греющихся в неестественной ауре его змеиной риторики.

Клеймо, которое Нигилан выжиг на плоти верховного жреца более трех месяцев назад, когда Воины Дракона впервые пришли на Стратос, хорошо распространилось. Оно почти заразило все его лицо. Посаженное колдуном семя скоро должно было созреть.

— Жизнь за жизнь, Рамлек — тебе это известно. Горган готов?

— Да, — проскрежетал рогатый воин.

Нигилан тонко улыбнулся. Рубцы на его лице растянулись от редкого использования этих мышц.

— Наши враги скоро придут, — прошипел он, и по его кулаку затрещала психическая сила, — и тогда мы отомстим.

ГЛАЗА, ПОДОБНЫЕ ЗЕРКАЛЬНОМУ стеклу, смотрели из-под сводчатого прохода мавзолея, более слепые, немигающие в своей смерти. На губах и веках мертвеца скопились крошечные кристаллы льда, заставляя их отвисать будто бы в летаргии. Несчастный бедняга был наполовину вытаснен из каменной могилы, его ослабевшая безжизненная голова свисала над краем.

Он был не один. По всему храмовому району лежали мертвые горожане и повстанцы, погибшие от удушья, когда началась вентиляция атмосферных процессоров. Некоторые сжимали друг друга в последних отчаянных объятиях, смирившись со своей участью; другие боролись, уцепились в собственное горло в тщетной попытке наполнить воздухом легкие.

Руины храмового района были тревожно тихими. Это казалось странно уместным: тишина опустилась подобно савану на расколотые монолиты и мрачные молельни; акры кладбищ, посреди которых возвышались усыпальницы и склепы; закутанные в мантии статуи, согбенные от темного воспоминания.

— Так много смерти... — произнес Дак'ир, вспомнив об еще одном месте, в котором он был десятилетия назад, и взглянул на капитана. Кадай, казалось, переносил все это стоически, но Дак'ир мог сказать, что это не оставляло его безучастным.

Саламандры прошли через город, не встретив сопротивления, крадясь подземными дорогами частного тоннельного комплекса. Хотя у него и не было карты подземного лабиринта, технодесантник Аргос определил маршрут, основываясь на расположении скрытого входа и визуальных докладах его боевых братьев, которые они передавали по мере продвижения через тусклые туннели. После часа блужданий узкими темными коридорами, Саламандры, наконец, выбрались наружу, чтобы столкнуться с торжественностью храмового района.

По словам Кадая, им следовало ожидать сопротивления. По правде говоря, он был бы даже рад этому. Нечто, что могло его отвлечь от ужасного деяния, которое он был вынужден совершить с жителями Кирриона. Но отпора не было — Саламандры прошли через белые врата храмового района без стычек, и все же напоминания о поступке Кадая скрывались в каждом алькове и затемненном городском убежище.

К счастью, Фугис и остальные прибыли на площадь Аереона без происшествий. Кадая начали одолевать бурные чувства, когда к нему по устройству связи пришло сообщение аптекаря. Это был обоюдоострый меч, спасение, но за огромную плату — уничтожение людей Кирриона.

— Аура Иерон находится в полукилометре к северу, — проскрежетал по устройству связи металлический голос Аргоса, отрывая его от дальнейшего самоанализа.

— Я вижу его. — решительно ответил Кадай.

Отключив связь с технодесантником, он обратился к свите.

— Люди Кирриона заплатили своими жизнями за шанс окончить эту войну. Пусть же их жертва не будет напрасной. Так или иначе, все закончится сегодня. За мной, братья. Во имя Вулкана.

Храм Ауры Иерона вырисовывался впереди подобно костяной руке, ухватившейся за черное как смоль небо.

ДАК'ИР, ПРИГИБАЯСЬ, ШЕЛ затемненными альковыми вдоль западной стены храма. Напротив него, через сумрачную пучину нефы храма, вдоль боковой стены крался Цу'ган.

Кадай и остальная часть свиты медленно приближалась по центру, прячась за разрушенными колоннами и обломками рухнувшей крыши Ауры Иерона. Несмотря на силовые доспехи, они двигались тихо, и не высываясь, подбираясь все ближе к цели.

Сотни культистов с надетыми на их лицах с защитными ртами респираторами, распростерлись ниц перед своим мерзким верховным жрецом. Говорящий стоял на мраморном постаменте, облаченный в синие одеяния подобно его совращенной конгрегации. В отличие от павших ниц перед ним последователей с защитными проволокой ртами, Говорящий не был нем. Скорее наоборот. Из его раздувшейся пасти с почерневшими пнями зубов внутри, выпирал извивающийся фиолетовый язык. Уродливый отросток крутился и хлестал по сторонам, будто живой. Из рта Говорящего извергалась непостижимая догма, модулировавшаяся демоническим языком. Даже звучание самих слов грызло чувства Дак'ира, и он подавил их, догадавшись, чем была эта мутация — заразой Хаоса. Это объясняло, как когда-то недовольные уроженцы Стратоса, которые, всего несколько месяцев назад были немногим более чем мелкими подстрекателями, смогли ввести такую непоколебимую верность, к тому же в таких количествах.

Окружающая верховного жреца элита фанатичных войск, кольцо из восьми жрецов-свежевателей, стояла на коленях с вытянутыми перед ними церемониальными цепными мечами.

ОТ УВИДЕННОЙ ПОРЧИ у Цу'гана остался горький привкус во рту. Какой бы грязный обряд эти дегенеративные отбросы не пытались совершить, Саламандры окончат его огнем и мечем. Он чувствовал, как в его груди разгорается пламя фанатизма, и ему очень захотелось оказаться сейчас рядом с капитаном, идти вместе с ним прямо к врагу, а не сидеть здесь, охраняя тени.

Пусть игнеец прячется по окраинам, подумал он. Мне предназначены более славные деяния.

Высокомерные размышления Цу'гана прервал дикий крик. Извергая неразборчивую диатрибу, Говорящий безумно указывал на вышедших из укрытий Кадаю и двух других Саламандр. Трусливые последователи с жуткой синхронностью среагировали на предупреждение своего хозяина и бросились к тройке нарушителей с явным намерением убить их. Шен'кар поднял огнемет и с боевым криком на устах испепелил ряд взбешенных культистов.

Век'шен, вращая огненной глефой, атаковал следом за пламенем, едва пламя успело утихнуть. Изготовленное вручную оружие пожидало ужасный урожай отсеченных конечностей и голов, всплески зажигательного вещества поджигали тела каждым пламенеющим ударом.

Кадай был похож на неустанную бурю, и воинское сердце Цу'гана воспарило от такого мастерства и ярости. Направляя свой пламенный гнев, капитан проделал выстрелом из инферно-пистолета рваное отверстие в одном из жрецов-свежевальщиков, прежде чем сокрушить громовым молотом ему череп.

Когда жалкий священник с разможенной головой умер, Кадай подал сигнал, и засевшие в альковах Цу'ган и Дак'ир начали вести фланговый огонь из болтеров.

Культисты валились на землю, разрываемые наполоам его яростной очередью, и Цу'ган больше не мог сдерживать жажду битвы. Он не будет сидеть здесь, играя роль стража. Он хотел быть вместе с капитаном и смотреть в глаза противникам, которых он повергал. Дак'ир сможет удерживать периметр и без его помощи. В любом случае, врагов здесь хватит для всех.

Выкрикивая клятвы Вулкану, Цу'ган покинул свой пост и ринулся прямо в гущу сражения.

ДАК'ИР ЗАМЕТИЛ дульную вспышку болтера Цу'гана и громко выругался, поняв, что он ослушался приказов и покинул стену. Размышляя, не поступить ли и ему подобным образом, он увидел прорубающегося сквозь толпу еретиков Кадая. Он находился почти в шаге от Говорящего и уже поднимал инферно-пистолет.

— Во имя Вулкана! — взревел он, приготовившись навсегда покончить с угрозой «Культы Правды», когда над бойней прогремел единственный выстрел, и Говорящий с наполовину снесенной разрывным снарядом головой рухнул на землю.

МЯСО И КРОВЬ застреленного Говорящего забрызгало доспехи Кадая, и он в шоке опустил пистолет. На битву опустилось странное затишье, враги неестественно замерли посреди атаки, пока капитан Саламандр отслеживал источник выстрела.

Над ним располагался парапет, с которого открывался вид на неф храма. Кадай поднял взгляд повыше, когда из собиравшихся теней вышла фигура в кроваво-красных доспехах с дымящимся болт-пистолетом в руке.

Пластинчатые доспехи воина украшали чешуйки, подобные тем, что были у первобытных ящеров архаической эры. Его перчатки были созданы в виде лап с длинными алыми когтями, вокруг которых потрескивающими рубиновыми дугами мелькали молнии. В одной руке он сжимал посох с исполненной в серебре головой ревущего дракона на наконечнике, а в другой — болт-пистолет, который он возвращал в кобуру. Широкие наплечники воина сидели подобно укрепленным чешуйчатым остовам, на каждом из которых располагался шип. Он был без боевого шлема и открыто носил ужасные лицевые шрамы. Огонь погубил когда-то благородное лицо воина, исказив, поглотив и переделав его облик в нечто, что состояло из морщинистой ткани, красных рубцов и открытой кости. Это было лицо смерти, отвратительное и обвиняющее.

По спине Кадая внезапно пробежался холодок, будто он погрузился в лед. Стоявшее перед ним существо было призраком, наваждением, давным-давно погибшим в ужасной агонии. И все же, оно было из плоти и крови, призванное из могилы, будто некий мстительный дух.

— Нигилан...

— Капитан, — ответило наваждение, его голос потрескивал подобно иссохшей земле, испеченной под безжалостным солнцем. Его жгучие красные глаза вспыхнули.

Шок Кадая быстро прошел, и он напрягся, подчиняясь праведному гневу.

— Отступник, — взревел он.

ОТ СОЗЕРЦАНИЯ ВОИНА грудь Дак'ира охватила сильнейшая боль, и он погрузился в иномирье своих грёз.

Храм исчез, и осталось лишь серое небо Морибара. В бесконечный стальной небосвод устремлялись костяные монолиты, вдоль бесчисленных кладбищенских дорог тянулись ряды склепов, поля мавзолеев и долины гробниц. Через легионы могил и фаланги склепов, вдоль погруженных в катакомбы батальонов усыпальниц, Дак'ир шел по дороге, пока не достиг конца.

И здесь, под холодной сырой землей, лежала огромная печь крематория — кипящая, горячая, ее

мерцающее зарево было ни теплым, ни манящим.

Видение изменилось, и тело Дак'ира пронзила боль. Он схватился за грудь, но черного панциря там больше не было. Он вновь был скаутом, стоящим у края крематория — огромной огненной ямы, достаточно большой, чтобы поглотить Титана, и горячей, все время горячей в жидком ядре Морибара.

Дак'ир увидел двух Астартес, карабкающихся по краю этих врат адской погибели. Нигилан отчаянно цеплялся за капитана Ушорака, чьи черные доспехи покрывались выбоинами и трещинами от исходящего снизу сильнейшего жара.

В каверне бушевал сильный пожар. Он пузырился и выбрасывал в воздух огненные каскады плюмажей лавы. Из крематория вырвался гигантский столб огня. Дак'ир закрыл глаза, когда огненный вал накрыл воинов.

Чьи-то сильные руки схватили Дак'ира за плечо и оттянули от пламени, поглотившего отступников, которых они хотели предать правосудию, но не убить. Нигилан, едва видимый за плотной завесой огня, кричал, и его лицо горело...

Вновь оказавшись в настоящем, на Дак'ира нахлынуло тошнотворное головокружение, и он попытался взять себя в руки. Во рту у него был привкус крови, и в глазах мельтешили черные точки. Стянув боевой шлем, он пытался вдохнуть.

В храме кто-то говорил...

— ТЫ ВЕДЬ УМЕР, — подозрительно сказал Кадай, смотря на воина. Он старался побороть невидимое давление, не дающее ему нанести удар по отступнику, но его руки стали будто свинцовыми.

— Я выжил, — ответил Нигилан, чье травмированное лицо исказилось от поддерживания психического давления, против воли Саламандр держащего поле битвы в стазисе.

— Ты должен был встретить правосудие, а не смерть, — сказал ему Кадай, а затем мстительно улыбнулся. — Ты вызвал перегрузку крематория, всколыхнувшую и без того нестабильное ядро Морибара, чтобы спасти собственную шкуру, и попытаться убить меня и моих братьев в начавшейся суматохе. Гибель Ушорака было твоих рук дело, твоих и его.

— Не смей говорить о нем! — закричал Нигилан, и из его глаз, сжатых кулаков и психосилового посоха вырвались алые молнии. После мимолетной вспышки ярости к Воину Дракона вернулось самообладание. — Убийца здесь ты, Кадай — ничтожный генералишко, который пойдет на все, лишь бы поймать свою добычу. Но, возможно, ты прав... я умер и возродился.

Кадаю удалось приподнять инферно-пистолет. Нигилан постепенно слабел. Капитан готовился одним рывком поднять его и пристрелить предателя на месте, когда тело Говорящего забилось в конвульсиях.

— Это уже не важно, — добавил Воин Дракона, отступая обратно в тени парапета. — Только не для тебя...

Как только Нигилан разжал психическую хватку, Кадай выстрелил из инферно-пистолета, расплавив кусок парапета. Саламандры готовились кинуться за ним в погоню, когда окутавшая Говорящего ужасная аура необъяснимым образом подняла труп так, что он повис в воздухе, будто бы подвешенный

на невидимом крюке.

Мучительно медленно он поднял подбородок, открыв уничтоженное разрывным снарядом лицо. Частично оставшаяся на окровавленном черепе гладкая красная плоть блестела в рассеянном свете. Голова Говорящего была похожа на разбившееся яйцо. Внутри виднелась светящаяся кобальтовая кожа. Сломанная кость превратилась в вызванное из темной нереальности злобное обличье, когда нечто... неестественное... пыталось проникнуть в материальное измерение.

Глаз сияющего мрака взглянул с потусторонней злостью. Когда-то выжженная на лбу Говорящего восьмиконечная звезда воспылала над материализующимся чудовищем. Она становилась все более растянутой и будто бы живой, пульсируя подобно уродливому сердцу, когда тварь из варпа начала увеличиваться в размерах. Из смертной плоти пробивались похожие на луковицу наросты, увенчанные кусками позвонков. Его пальцы начали увеличиваться, будто бы их растягивали невидимыми нитками, и из них вырвались длинные, острые и черные когти. Широкая пасть существа в подражании первичной мутации Говорящего начала вытягиваться еще сильнее, пока не превратилась лишенную губ бездну, внутри которой извивался язык с тремя выступами, каждый из которых заканчивался окровавленной костью.

Культисты завопили от страха и обожания, когда труп Говорящего был полностью совращен. Жрецы-свежевальщики поклялись в своей немой преданности, вновь обратив цепные мечи на Саламандр.

Вырванное из эфирной дремы существо было первобытным и лишь частично разумным, и его пожирал сильный душевный голод. Взревев от ярости и муки, оно ринулось к Кадаю, поглотив по пути пару жрецов-свежевальщиков. Тварь заглотнула их подобно некому ужасному василиску, и когда добыча попала в его разбухшую глотку, Астартес услышали явственный хруст костей.

— Тварь... — выдохнул Кадай и схватился за рукоять громового молота, готовясь ударить демона изо всех сил. Нигилан продал свою душу темным силам, что только подтверждалось его преступными действиями.

— Умри, адское отродье! — воскликнул Век'шен, становясь между капитаном и освободившимся демоном. Вращая огненной глефой с такой скоростью, что она превратилась в пылающую дугу, чемпион роты нанес настолько мощный удар сверху вниз, что он разрубил бы даже воеводу орков. Демон парировал удар когтями, сжав ими глефу. Из рта-бездны метнулся язык и стремительно обернулся вокруг Век'шена. Саламандра открыл рот в бессловесном вопле, когда существо окончательно его сокрушило.

Кадай взревел и бросился на демона, когда обмякшее тело его боевого брата, раздавленное в том месте, где его стиснул язык, рухнуло на землю.

ДАК'ИР ПРИХОДИЛ в чувство. Говорящий был мертв, хотя он и не видел, как это произошло, тот лежал с простреленной головой у ног Кадая. Но он пропустил не только это, пока находился во власти сна-воспоминания. За время, ушедшее на то, чтобы его тело и тренировки одолели вызванную воспоминанием длительную тошноту, Нигилан уже отступал в тени. Покинув фланговую позицию, Дак'ир бежал к нефу, решившись на преследование, когда группа культистов преградила ему путь.

— Цу'ган! — крикнул он, вспоров брюхо одного повстанца цепным мечом и выстрелив из болтера в лицо другого, — останови отступника!

Саламандра кивнул со столь редко проявляемой симпатией и бросился за Нигиланом.

Дак'ир пробивался сквозь разъяренную толпу, когда увидел поднимавшееся тело Говорящего, и почувствовал, как его кожу защипало от касания варпа...

ЦУ'ГАН БЕЖАЛ по нефу, убивая культистов кулаками, разрывая на куски сгрудившиеся кучи болтерным огнем. Краем глаза он едва видел Шен'кара, испепеляющего ряды еретических паразитов яркими струями пламени.

Выбив деревянную дверь позади храма, Цу'ган обнаружил ведущий к парапету пролет из каменных ступеней. Перепрыгивая по три ступени за раз при помощи серводвигателей в доспехах, он ворвался в затемненную приемную. Внизу что-то происходило. Он услышал как Век'шен выкрикнул призыв к оружию, а затем опустилась тишина, будто бы все звуки исчезли во внезапно образовавшемся вакууме.

Возникшие в темноте горящие красные глаза одарили его холодным взглядом.

— Цу'ган... — сказал Нигилан, выходя из мрака.

— Предательское отродье! — с яростью выкрикнул Саламандра.

Но Цу'ган не поднял болтер и не поразил врага на месте. Он просто продолжал стоять, казалось, его мускулы были закованными в янтарь.

— Что... — начал он, но обнаружил, что и язык у него стал свинцовым.

— Колдовство, — сказал ему Нигилан, поверхность его психосилового посоха переливалась сверкающей энергией. Она отбрасывала во мрак эфемерные вспышки света, освещая устрашающий облик приближавшегося к неподвижному воину Астартес колдуна.

— Я могу убить тебя прямо сейчас, — откровенно произнес он. — Погасить свет в твоих глазах, и убить тебя, как Кадай Ушорака.

— Вам предложили искупление, — Цу'ган изо всех сил пытался сформулировать слова возражения, одной лишь силой воли заставляя язык повиноваться.

Зловещее выражение на лице Нигилана сменилось негодованием.

— Так это было искупление? Духовная кара от рук Элизия, пару часов с его хирургонами-дознателями — не это ли нам предложили? — Он безрадостно рассмеялся. — Этот ублюдок мог вынести лишь смертный приговор.

Ступив ближе, Нигилан заговорил искренним тоном.

— Ушорак предложил жизнь. Силу, — выдохнул он. — Свободу от кандалов, принуждающих нас прислуживать этому человеческому скоту, когда мы могли бы править им.

Говоря это, Воин Дракона сжал кулак, подойдя уже так близко, что Цу'ган чувствовал медный запах его дыхания.

— Ты видишь, брат. Мы не настолько разные.

— Мы непохожи, предатель, — отрезал воин Саламандр, кривясь даже от простой попытки говорить.

Нигилан отступил назад, печально разведя руками.

— Тогда может выстрел в голову, чтобы закончить мою ересь? — его приподнятая губа выражала неудовольствие. — Или лишение звание, или клеймо кающегося вместо моих штифтов выслуги лет?

Он покачал головой.

— Нет... не думаю. Хотя, возможно, я отмечу тебя клеймом, брат, — Нигилан показал Саламандре ладонь и широко развел пальцы. — Интересно, ты будешь сопротивляться разложению сильнее, чем та человеческая марионетка?

Цу'ган вздрогнул при приближении Нигилана, ожидая, что в любое мгновение он выпустит всю существующую мерзость Хаоса.

— Не бойся, — проскрежетал Нигилан, насмешливо сжав руку обратно в кулак.

— Я ничего не боюсь, — рявкнул Цу'ган.

Колдун презрительно фыркнул.

— Ты боишься всего, Саламандра.

Цу'ган почувствовал, как его ботинки заскребли по полу, когда психическая сила потянула его к краю парапета.

— Хватит разговоров, — выплюнул он. — Сбрось меня. Если тебе так хочется, переломай мое тело. Орден выследит тебя, отступник, и в следующий раз не дадут шанс на искупление.

Нигилан взглянул на него так, как взрослый смотрит на несмышленного ребенка.

— Ты все еще не понимаешь, нет?

Тело Цу'гана медленно развернулось так, чтобы он смог увидеть происходившую внизу битву.

Культисты падали толпами, сожженные из огнемета Шен'кара или же выпотрошенные цепным мечом Дак'ира. Его братья сражались на пределе своих сил, сдерживая орду, пока их возлюбленный капитан сражался за свою жизнь.

Доспехи ручной работы Кадая были пробиты в десятке мест от нападений демонического существа, облаченного в плоть Говорящего. Когти, подобные длинным прорезям, в которых виднелась сама ночь, градом ударов сыпались на капитана, но он выдерживал их, проводя ответные атаки громовым молотом. В его устах звучало имя Вулкана, когда из наверхия выкованного в кузне молота с треском вырвалась молния и опалила заимствованную плоть демона.

— Я был предан Ушораку, прямо как ты своему капитану... — сказал Нигилан на ухо Цу'гану, пока тот смотрел на разворачивающуюся внизу битву с порождением ада.

Кадай ударил демона в плечо, сокрушив кость, и конечность того безвольно повисла.

— ... Кадай убил его, — продолжил Нигилан. — Он заставил нас искать утешение в Оке. Мы бежали и оставались там на протяжении десятилетий...

В прорехах приземистой фигуры демона зашипел ихор, он цеплялся за реальность все слабее, пока Кадай неумоимо разил его кулаком и молотом.

— ... В той реальности время течет по-другому. Нам казалось, будто прошли столетия, прежде чем мы нашли выход оттуда.

Из раздувшегося горла демонического существа вырвался хор воплей, когда Кадай сокрушил его череп и изгнал обратно в варп, вместе с поглощенными им душами, молившими о помощи.

— Он изменил меня. Открыл мне глаза. Теперь я вижу многое. Цу'ган, тебя ожидает великая судьба, но ее омрачает некто другой, — Нигилан слегка кивнул в сторону Дак'ира.

Игнеец сражался с отвагой, рубя последних культистов на пути к Кадаю.

— Даже сейчас он мчится к твоему капитану... — коварно сказал Нигилан, — надеясь получить его расположение.

Цу'ган знал, что лживому языку предателя нельзя было верить, но сказанные им слова повторяли его давно зародившиеся подозрения.

И так, без ведома Саламандры, Нигилан посадил семя. Но суть его была не демонической. Нет, оно исходило из мелочной ревности и амбиций, именно из того, против чего у Цу'гана не было защиты.

— Этот культ, — продолжил давить Воин Дракона, — Он — ничто. Стратос ничто. Даже сам город бессмысленный. Все это было ради него!

Кадай тяжело опирался на громовой молот, устав после убийства демона.

Нигилан улыбнулся, и покрытая шрамами кожа его лица заскрипела.

Капитан за капитана.

Понимание поразило Цу'гана подобно холодному клинку.

Слишком поздно он заметил приближившуюся сзади тень. Воины Дракона, наконец, захлопнули ловушку. Бросив пост, он позволил им проникнуть мимо стражей Саламандр. Культисты служили лишь в качестве отвлечения, истинный же враг появился лишь сейчас.

Каким же он был дураком.

— Нет!

Одной лишь силой воли он сломил психическую хватку Нигилана. Проревев имя капитана, Цу'ган соскочил с парапета. Хриплый смех следовал за ним весь путь вниз.

ДАК'ИР ПОЧТИ достиг Кадая, когда отступник поднял мульти-мельту. Выкрикнув предупреждение, он метнулся к капитану. Кадай повернулся к нему, в то же время услышав доносившийся сверху крик Цу'гана, а затем проследил за наполненными ужасом глазами Дак'ира.

Темноту прорезал сверкающий луч.

Он попал в Кадая, и его тело испарилось в актинической вспышке.

Интенсивный порыв жара сбил Дак'ира с ног — ударная волна ужасного взрыва мельты. Он почувствовал запах опаленной плоти. В его чувства ворвался раскаленный шип агонии. Его лицо горело, как во сне...

Дак'ир понял, что сейчас потеряет сознание, его тело готовилось выключиться, когда анабиозная мембрана отметила перенесенные воином обширные травмы. Смутно, как если бы он был похоронен заживо и слушая из под слоя земли, он услышал голос сержанта Н'келна и его боевых братьев. Дак'ир сумел повернуть голову. Последнее, что он увидел, прежде чем сознание покинуло его, был Цу'ган, бросившийся на колени перед обугленными останками их капитана.

ПРОСНУВШИСЬ, Дак'ир обнаружил, что лежит в аптекарионе «Гнева Вулкана». Внутри аскетичного зала было холодно как в могиле, мрак рассеивался светящимися символами на медицинской аппаратуре вокруг него.

С пробуждением пришли воспоминания, а с ними — горе и отчаяние.

Кадай был мертв.

— Добро пожаловать обратно, брат, — произнес тихий голос. Лицо Фугиса было более тонким и изможденным чем когда-либо, когда он возник над Дак'иром.

Душевная мука дополнялась физической болью, и Дак'ир потянулся к лицу, когда оно начало печь.

Фугис схватил его запястье, прежде чем он успел прикоснуться к нему.

— Я бы этого не делал, — предупредил он сержанта. — Твоя кожа очень сильно обгорела. Ты исцеляешься, но плоть все еще чрезмерно нежная.

Фугис отпустил руку, и Дак'ир убрал ее. Чтобы ослабить боль, аптекарий ввел ему порцию наркотиков через внутривенную капельницу.

Дак'ир расслабился, когда болеутоляющие начало действовать, катализируя естественные регенеративные процессы его тела.

— Что случилось? — его горло казалось шершавым и воспаленным, и ему приходилось выдавливать из себя слова. Фугис отступил от медицинского стола Дак'ира чтобы проверить контрольные приборы. При ходьбе он прихрамывал — на его ноге была закреплена временная аугметическая шина для заживления перелома, полученного во время падения. Фугис был упрямым до жестокосердия, и ничто не могло помешать ему продолжать свою работу.

— Стратос спасен, — просто сказал он, стоя спиной к Саламандре. — Когда Говорящий погиб и наши огнеметы снова смогли работать, повстанцы были быстро уничтожены. Бури прекратились через час после того, как мы вернулись на площадь Аереона. Библиарий Пириил прибыл спустя двадцать минут с остальными силами роты для поддержки войск Н'келна, который захватил стену и уже был на пути к Ауре Иерону...

— Но не успел спасти Кадаю, — закончил вместо него Дак'ир.

Фугис прекратил работать и сжал приборную панель, которую он отлаживал.

— Да, даже его генное семя не удалось спасти.

Комната погрузилась в продолжительную наполненную горем тишину, прежде чем аптекарий продолжил.

— Корабль, тип «Буревестник», покинул планету, но мы слишком опоздали, чтобы начинать преследование.

Злоба в голосе Дак'ира могла покорежить металл.

— Нигилан и остальные отступники сбежали.

— Одному Вулкану известно куда, — ответил Фугис, повернувшись к пациенту лицом. — Третьей ротой командует библиарий Пириил, до тех пор как Магистр Ордена Ту'Шан не назначит кого-то на постоянной основе.

Дак'ир нахмурился.

— Мы летим домой?

— Наше дежурство в Поясе Адрона закончено. Мы возвращаемся на Прометей, чтобы восстановить силы и залезать раны.

— Мое лицо... — отважился сказать Дак'ир после долгой паузы, — я хочу увидеть его.

— Конечно, — произнес Фугис и показал Саламандре зеркало.

Часть лица Дак'ира была обожжена. Почти половина его ониксово-черной кожи стала практически белой из-за сильного жара от выстрела мельты. Грубое и злое, оно, тем не менее, выглядело почти человеческим.

— Реакция на интенсивное излучение, — начал объяснять Фугис. — Повреждение привело к регрессии клеток, вернувшись к форме, предшествующей генетическому почернению кожи, когда ты стал Астартес. Я пока не могу сказать наверняка, но она не показывает признаков немедленной регенерации.

Дак'ир продолжал смотреть, затерявшись в глубинах собственного отражения и подобии человечности в нем. Фугис прервал размышления Саламандры.

— Я тебя оставляю в покое, а это — унесу, — произнес он, забирая зеркало. — Твое состояние стабильно, и сейчас я больше ничем не могу тебе помочь. Я вернусь через пару часов. Твоему телу нужно время для исцеления, прежде чем ты снова сможешь сражаться. Отдыхай, — сказал ему аптекарий. — Надеюсь, когда я вернусь, ты все еще будешь здесь.

Аптекарий вышел и похромал в какую-то другую часть корабля. Но когда дверь за ним закрылась с шипением стравливаемого воздуха, Дак'ир понял, что был здесь не один.

— Цу'ган?

Он почувствовал присутствие брата даже до того, как увидел его выходящим из теней.

— Брат, — тепло прохрипел Дак'ир, вспоминая момент близости между ними, когда они вместе сражались в храме.

Сердечность испарилась, подобно украденному холодным ветром теплу огня, когда Дак'ир увидел мрачное лицо Цу'гана.

— Ты непригоден быть Астартес, — без обиняков сказал он. — Смерть Кадая на твоих руках, игнеец. Если бы ты не послал меня за отступником, если бы ты был достаточно быстрым, чтобы отреагировать

на возникшую опасность, мы бы не потеряли капитана.

Горящие глаза Цу'гана были холодными как лед.

— Я этого не забуду.

Дак'ир был настолько ошеломлен и даже не нашелся, что ответить, прежде чем Цу'ган повернулся к нему спиной и вышел из аптекариона.

Сердце и душа Дак'ира наполнилась мукой, пока он пытался отбросить ужасные обвинения брата, но затем усталость взяла верх, и он погрузился в глубокий прерывистый сон.

Впервые за сорок лет сон изменился...

СИДЯ В ДЕСАНТНОМ отсеке «Буревестника», Нигилан вновь и вновь крутил в руке устройство, украденное из хранилища в глубинах Кириона. Вокруг колдуна находились другие Воины Дракона — великан Рамлек, выдыхавший из воздухораспределительной решетки крошечные кусочки пепла и золы в попытке совладать с бесконечным гневом; Гор'ган, его чешуйчатая кожа опадала, когда он снял боевой шлем, баюкающий мульти-мельту подобно домашнему любимцу; Нор'хак, привередливо и методично собиравший и разбиравший свое оружие. Еще был Экрин, его пилот, оставшийся охранять «Буревестник», чьи кости-лезвия на предплечьях были тщательно спрятаны под силовыми доспехами, пока он вел корабль к конечной точке назначения.

Воины Дракона пошли на огромный риск, пытаясь добыть устройство, им даже пришлось разжечь настоящее восстание ради отвлечения внимания от своих передвижений. Смерть Кадая в результате уловки особенно удовлетворяла, это был неожиданный, хотя и приятный сюрприз для Нигилана.

«Буревестник» находился в полной готовности даже прежде, чем ловушка в Ауре Иероне захлопнулась. Пока рвущиеся толпы самоубийственных культистов обеспечивали им прикрытие, отступники быстро покинули атмосферу Стратоса.

— Как мало они понимают... — проскрежетал Нигилан, внимательно изучая каждую грань позолоченного предмета на ладони. Казалось бы, такой безвредный кусочек загадки, внутри двенадцати пятиугольных поверхностей, вдоль ортодромов эзотерического писания, обволакивавшего его двенадцатигранную поверхность, там был способ раскрыть тайны.

В этом и состояла цель дешифрекса — открывать то, что было скрыто. Нигилан столкнулся с этой загадкой в свитках Келока, древних пергаментов, которые он и Ушорак сорок лет назад забрали из могилы Келока на Морибаре. Тот был технократом и недооцененным гением. Он создал нечто — оружие, намного превосходившее все то, что могла предоставить убогая наука текущего века распада. Нигилан хотел воссоздать его работу.

Более тысячи лет внутри Глаза Ужаса он терпеливо вынашивал свою месть, и теперь, наконец, начал получать то, что ему нужно было для уничтожения своих врагов.

— Приближаемся к «Адскому ловчему», — по воксу прозвучал загробный голос Экрина.

Нигилан застегнул гравиподвески. Когда они сомкнулись над его бронированными плечами, удерживая его на месте во время посадки, он уставился в смотровую щель «Буревестника». Там, на фоне успокоившегося кобальтового моря, виднелся стоявший на якоре корабль цвета расплавленного

металла. Это был древний корабль со старыми ранами и еще более старыми призраками. Его нос имел форму зазубренного лезвия, будто бы пробившего в пустоте дыру. По его бортам располагались батареи орудий, чья пушечная бронха была серой и почерневшей от пороха. Десятки башен и антенн тянулись вверх подобно скрюченным пальцам.

Корабль вошел в Глаз Ужаса обычной боевой баржей, но вышел оттуда уже чем-то совершенно иным. Это было судно Нигилана, и на борту колдуна уже ждали его воины — отступники, наемники и перебежчики; пираты, налетчики и грабители. Они собрались здесь, чтобы стать свидетелями его победы и медленного воплощения в жизнь его желания — тотального и полного уничтожения Ноктюрна, а вместе с ним и смерти Саламандр.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Огни_войны_/_Fires_of_War_\(рассказ\)&oldid=5221](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Огни_войны_/_Fires_of_War_(рассказ)&oldid=5221)

Эта страница в последний раз была отредактирована 8 октября 2019 в 10:23.